

Мазуренко А.Т. «Явь и тайна, даль и близость».

М.: Верже-АВ, 2000.

СЕРПАНТИН СУДЬБЫ

Документальная повесть

о Вадиме Козине

Мне на плечи кидается век-волкодав...

Осип Мандельштам

Вместо предисловия

Поэт Вадим Шершеневич, предваряя свои мемуары, пишет:

Факты остаются только в дневнике. Там они слегка окрашены лирическим отсветом данного дня, но не изменены.

В воспоминаниях у фактов всегда есть враг; этот враг непобедим. Имя этому врагу — Я.

Воспоминания — это поединок Я и фактов. Что такое факт в воспоминаниях? Нечто не более достоверное, чем рассказ очевидца.

Нельзя судить о фактах, не зная Я.

На мой взгляд, — абсолютно точная мысль. Вспомните четыре классические свидетельства — Евангелия. Ведь до сих пор бьются богословы, чтобы свести их воедино и получить точную картину подвига Спасителя. Современная теология нашла выход из положения: не отрицая историчности Иисуса, противоречия в его жизнеописаниях рассматривает как составные части религиозного учения. Таким образом, здесь важнее вера в Христа, а не историчность Иисуса.

Не беря грех на душу и отнюдь не сравнивая своего героя с Сыном Божиим, рискну все же провести некоторые аналогии. Я знаю только то, что знаю, то, что происходит со мной и чему я сам был свидетелем. Остальное приходится принимать на

веру, в том числе и документальные свидетельства. Так, мы теперь прекрасно знаем истинную цену доказательствам, собранным ежовско-бериевскими следователями, знаем, чего стоила и «царица доказательств» — признание.

Я буду писать о том, во что поверил, никого и ни в чем не стараясь убедить. И право читателя — верить мне или нет. Тем более, что «непобедимый враг факта» — собственное Я моего героя, человека очень неоднозначного, со сложнейшей судьбой и трудным характером.

И еще одно пояснение. Мы знакомы с Вадимом Алексеевичем Козиним более двадцати лет. Мне часто приходилось беседовать с ним наедине, слушать его в различных компаниях, на встречах с поклонниками, на концертах. Так вот, все эти двадцать лет он говорит одно и то же. Вне зависимости от аудитории, каверзости вопросов и ухищрений собеседников, среди которых зачастую бывают и профессионалы диалога — журналисты, актеры. Что это, феномен памяти? Экзистенциальная «башня из слоновой кости»? Или просто-напросто нежелание никого впускать в свою жизнь? Скорее всего, на мой взгляд, и то, и другое, и третье. Да еще ко всему этому следует приобщить артистичность природы. Проработав на сцене столетия так, как работал Козин, можно придумать себе образ и поверить в него, как в собственное Я.

Так это или иначе, но факт остается фактом: память девяностолетнего маэстро я бы уподобил некой магнитофонной ленте, на которой записана его жизнь так, как он себе ее представляет, и вряд ли кому-нибудь удастся внести в эти записи коррективы. Я не боюсь обидеть Вадима Алексеевича таким сравнением. Во-первых, это мое личное предположение, а во-вторых, — уж никак не должен он обидеться на магнитофон, ведь этот аппарат необходим ему так же, как фортепиано, как стихи, как собственный голос. С этим верным помощником артист неразлучен последние тридцать лет.

Вадим Алексеевич неоднократно позволял мне переписывать на мой «Репортер» запись своей жизни. Я сравнивал записи пятнадцатилетней давности и совсем недавние (июль 1992 года). Как говорится, и адекватность, и идентичность налицо, даже интонации совпадают! Поэтому прямую козинскую речь в этой книге вряд ли можно считать исповедью. Но кто сегодня у нас способен на исповедь?

История не имеет сослагательного наклонения. Но ведь

было, было в истории нашей многострадальной Родины такое, что очень бы хотелось если не переделать, то хотя бы забыть. Или не вспоминать. Еще полтора века назад «безумный» П. Я. Чаадаев сказал: «Россия, быть может, существует лишь для того, чтобы дать миру урок». Уроки — жестокие, страшные, — даны. И усвоены многими. А нами? Помним ли мы их, наши жестокие уроки?

Хотелось бы в это верить... Ведь память возвращает нам прошлое не для того, чтобы переделать его,

здесь мы бессильны. Но осмыслить, понять, извлечь, наконец, уроки, оплакать погибших и задуматься, зачем мы жили, как мы жили, что мы сделали со своей жизнью, было ли у нас призвание и осуществили ли мы его, — наш прямой долг. Ибо мы все и каждый из нас в ответе за все, что с нами произошло.

Резюмируя сказанное, замечу, что есть много способов уклониться от вопросов, задаваемых собственной совестью. Но не поворачивается у меня язык упрекнуть моего героя в нежелании отвечать на них. Потому что, говоря «правду, одну правду и только правду», человек никогда никому не скажет всей правды. Оставим же человеку право хранить при себе последнюю правду, ибо у каждого из нас впереди — исповедь.

...Летом 1971-го года мне довелось попасть в «келью Козина». Привел меня туда незабвенный Аба Лайман, администратор театра, верный Лепорелло Вадима Алексеевича. Аба был импозантен до невозможности и являл собой классический тип театрального администратора, каких нынче уже не встретишь. Увы, ушел из жизни и Аба... Но тогда он был еще полон сил, темперамент его не знал предела, а здоровое нахальство и колоссальные связи обеспечивали заранее успех любого безнадежного предприятия. Зная мои библиофильские наклонности, Аба позвонил как-то: «Знаешь, Вадик чистит библиотеку, заходи — посмотришь!» Без восклицательных знаков он разговаривать не умел. Я застеснялся, зная, что Козин капризен в смысле посещений полузнакомых людей. «Нет проблем! Беги в театр, найди меня, пойдем вместе!»

Вадим Алексеевич живет как раз напротив театра, о чем и заявлено в его шутилой песенке: «Я живу в квартире номер девять, Школьный переулок, дом один». И вот мы поднимаемся, звоним. «Кто там?» — вопрос задан капризным, очень недовольным голосом, НЕВЫСОКОЙ, почти пронзительной ноте.

«Вадинька, Вадинька, это — я», — замыкал в ответ Аба. «Абочка!» — разительно изменился голос за дверью, теперь он звучал ласково и нежно. Дверь распахнулась, на пороге стоял маэстро, у его ног заняли оборонительно-атакующую позицию два роскошных кота. Как потом выяснилось, один из них был все-таки кошкой.

И вот мы в квартире, и мне сразу стало понятно, почему это жилище прозвали «кельей». Малюсенькая однокомнатная «хрущевка» вместила пианино, студийный магнитофон, обеденный и письменный столы, тахту и — от пола до потолка по всему периметру квартиры, даже в кухне и прихожей — стеллажи с книгами. Повернуться было практически негде, можно было только сидеть вокруг стола, что мы тут же и сделали — расселись. Я потом всегда удивлялся вместимости этой квартиры, когда к Вадиму Алексеевичу приходили в гости и пятнадцать, и двадцать человек, и все каким-то образом размещались — мистика!

Вадим Алексеевич вспомнил, что нас познакомил главный режиссер театра В. Левиновский, а когда узнал, что именно я автор тех несчастных тридцати строчек в молодежной газете о его выступлении на встрече с интеллигенцией города, из-за которых пострадал наш редактор, буквально расцвел: «Знаете, обо мне уже давно ничего не пишут. И по радио не дают петь. И концертов, выступлений совсем мало, почти ничего. Вы не подумайте, я не в претензии, просто обидно. А раньше, ах, раньше... Да я вам покажу». Достал папку с газетными вырезками, и — о чудо! — сверху лежали мои жалкие тридцать строчек! А какие там были рецензии! Я приведу некоторые из них в свое время. А пока разговор перешел на книги. «Меня вдруг в ВТО вспомнили, — кокетничал Козин, ибо никто его не забывал. — Вот дали несколько подписок. А у меня эти авторы уже были в старых изданиях. Вот и решил кое-что продать. Посмотрите, у меня вот здесь отложено».

Я увидел десяти томик Достоевского, знаменитое издание времен хрущевской «оттепели». Я наизусть помнил выходные данные: Издательство «Художественная литература», 1957 год. Тираж 300000 экземпляров. Общая редакция Л. Гроссмана, В. Ермилова и т. д. Короче, — мечта библиофила!

«Вадим Алексеевич, Достоевского продаете?» — «Продаю, вот у меня новая подписка, на четырнадцатитомник» — «Я возьму?» — «Сделайте одолжение, не в букинистику же тащить...» — «И сколько?» — вопрос для меня тогда не праздный. «Да что там — сколько? Я же не из-за денег. Издание старое, сколько там в букинистике за него дадут? Ну, по рублю за том. Всего десять рублей. Да мне и брать с вас неудобно. Вот вы про меня написали. Берите так!» Я ушам своим не верил!

Мое изумление было, как говорится, налицо, потому что Вадим Алексеевич начал уговаривать меня взять книги бесплатно, даже веревочку — перевязать — нашел. Я же пытался все-таки всунуть ему червонец. Выход из положения, как всегда, нашел Аба. «Покупку, а заодно и знакомство надо обмыть! И будет ни тебе, ни тебе, а всем нам вместе! Что будет? Хорошо будет!»

Аба был изумительным, от Бога, кулинаром. Торжественный обед в честь знакомства и обоюдовыгодной сделки прошел, выражаясь высоким протокольным штилем, в непринужденной дружеской обстановке. На прощанье я получил приглашение заходить запросто... но предварительно позвонив!

Я далеко не сразу осознал ценность моего приобретения. Поначалу я увлекся чисто внешней атрибутикой. Ведь книги были с экслибрисом знаменитого артиста: в белом прямоугольнике черный кот разматывает клубок! И надпись: «Из книг Вадима Козина». На фронтисписе тоже надпись: «Магадан. 28/111 57». И энергичная подпись: «В. Козин». Автограф.

А то, что книги вдоль и поперек исчерканы разноцветными чернилами и пестрят заметками на полях, меня даже поначалу раздражило. И только годы спустя до меня вдруг дошло, что подчеркивания и заметки на полях и есть главное достоинство (разумеется, кроме самого Достоевского) этого издания. Ведь великого писателя читал великий артист. И как читал! Сегодня так не читают... Козин изучал, штудировал Достоевского, анализировал и, наконец, примерял мысли и пророчества титана мировой литературы к собственной жизни, к собственным раздумьям о смысле бытия. Я понял, что у меня в руках оказался путеводитель человеческой судьбы. И когда начала оформляться идея написания этой повести, я и спросил у Козина разрешения пользоваться его заметками на полях. «Я ни от кого не скрываю свои архивы, — ответил Вадим Алексеевич. — Жаль, что мало ими интересуются. Пользуйтесь на здоровье. Мне и самому интересно, что я там наподчеркивал, ведь давно это было, я уж и не помню... Впрочем, возьмите "Братьев Карамазовых". Любимая моя вещь... А почему любимая — попробуйте понять!»

Виток первый.

ВНУК ВАРИ ПАНИНОЙ

Прежде чем предоставить слово Вадиму Алексеевичу, посетую читателю на свои трудности. Я работал тогда журналистом, привык иметь дело со звуком. И как передать на бумаге этот голос, эти интонации, эти немислимые логические ударения, присущие только Козину?! На радио есть профессиональный термин — «расшифровка». Это — попытка перенести на лист бумаги то, что наговорил тебе собеседник. К сожалению, я должен преподнести читателю не более чем «расшифровку» наших бесед. Кто знает, может, издатели когда-нибудь решатся вместе с книжкой продавать и магнитофонную кассету (пока она у меня еще есть!) с записью этого уникального голоса? Вопрос, конечно, почти риторический. Но я вынужден его задать, так как прекрасно вижу и слышу разницу между голосом Вадима Козина и своими записями. Единственное, что я гарантирую, — сохранить язык, стиль, образность речи своего героя. Кстати, когда я спросил у Козина, где он учился языку, то неожиданно услышал: «Да я вообще никогда ничему толком не учился. А язык? Так уж мы говорили в семье...»

Итак, семья, истоки, корни.

— Дело все в том, что мать моя по национальности цыганка. Моя бабушка пела, мать моя пела. Правда, дедушка с материнской стороны, он тоже цыган был, никогда не пел, он был так называемым барышником. Кто это, знаете? У него были табуны лошадей, он торговал лошадьми. А двоюродной сестрой дедушки — моей бабушкой, выходит, — была цыганская певица Варвара Васильевна Васильева. Настоящая ее фамилия Васильева, а знали-то все ее как Панину, из-за этого много было недоразумений...

На минутку прерву своего собеседника. В «Театральной энциклопедии» написано: «Панина (настоящая фамилия — Васильева) Варвара Васильевна (1872-1911) — русская эстрадная певица (контральто). В 1886 году вступила в цыганский хор под управлением Ф. И. Соколова, затем пела в других хорах в Петербурге, Харькове, Киеве, Москве. В 1892-1902 годах возглавляла московский хор цыган. С 1902 года вела концертную деятельность. Обладала мягким низким контральто. Исполнительская манера отличалась глубоким драматизмом, эмоциональной выразительностью при внешней сдержанности поведения. В пении Паниной декламационность сочеталась с широкой кантиленой. В репертуаре певицы были цыганские романсы, русские песни и романсы, при исполнении которых Панина давала индивидуальную мелодическую импровизацию напева». Прошу читателя запомнить эту цитату. Вадим Алексеевич продолжает:

— Голос у Варвары Васильевны был, как тогда говорили, — «черный бархат». А родом она из знаменитой цыганской семьи Васильевых. Тогда и хоры по семьям, родам назывались: Соколовы (помните: «Соколовская гитара до сих пор в душе звенит»?), Дулькевичи, Шишковы, Ильинские... Вот моя мать как раз и была Ильинской. Жили они в Новой Деревне под Петербургом. Сколько раз я там бывал, слушал, как бабушка поет. А мама в хоре уже не пела...

То есть она, конечно, пела, пока меня не родила. Она ведь замуж вышла за моего отца и попала в богатый купеческий дом, где и слышать не хотели цыганской речи. А когда дедушка узнал, что его сын (мой отец) на цыганке женился, то проклял его. А я был долго незаконнорожденным, и фамилия моя была Ильинский.

Попрошу читателя запомнить и эту фамилию.

— Закончу про Панину, — говорит Вадим Алексеевич. — Голос-то ее, «черный бархат», был настолько изумителен, что самому Шаляпину говорили: ты пойдешь, послушай, поучись. И ходил, слушал, учился Федор Иванович! А ведь тетя Варя, так я ее называл (она не хотела быть бабушкой), была неграмотной! Она крестик ставила, когда надо было расписаться. Но — голос, голос! Настоящее глубокое контральто. Великий был голос... Но я ей не подражал. Не подражал и Вяльцевой.

— А что, и Вяльцева бывала в вашем доме?

— «Несравненная» — так мы называли тетю Настю. Что ж поделать, и Вяльцева для меня была тогда тетей. Она регулярно посещала нас, не забывая принести кулек со сладостями для Димочки (это меня тогда так называли) и других малышей. Я помню этот голос, этот потрясающий запах и блистание, исходящие от тети Насти. И — ласку, ласку, ласку... Забытое слово...

Из Театральной энциклопедии: «Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871-1913) — русская артистка эстрады и оперетты, исполнительница цыганских романсов. Пению обучалась в Петербурге. Сценическую деятельность начала в 1887 году в Киевской балетной труппе... С 1887 года начала выступать на концертной эстраде как исполнительница цыганских романсов... Обладала голосом красивого грудного тембра и хорошиими сценическими данными. Продолжила и развила традиции исполнения, идущие от В. Зориной и В. Паниной».

Что такое цыганская песня, цыганский хор? Из воспоминаний народной артистки СССР Софьи Гиацинтовой:

И вот уже мы на тройке, мчимся в ресторан — кутить! Лестница ресторана, ковры и пальмы, в зале полумрак, скрипки нежным голосом приглашают к столику с цветами. Метрдотель интимно склоняется к нашему кавалеру:

— С икоркой, с балычком? Вино для барышни?..

А барышни все равно, что есть, что пить, в памяти вспыхивает яркое впечатление тех дней — от знаменитой певицы Вяльцевой, пожирательницы мужских сердец.

Ох, как же было не влюбиться! Она выходила в белом, расшитом блестками платье с треном, тонкая талия туго перехвачена поясом, на плечах боа из белых перьев, в зачесанных наверх пушистых светлых волосах, в ушах, на шее горят, сверкают бриллианты. И руки, поющие руки, туго затянутые в белые высокие перчатки, — они тянулись к публике, звали куда-то, покорно опускались и тут же взлетали в кружащемся вихре. «Гай-да тройка, снег пушистый...» — зазывно звенел ее голос. Блестящая, победная, она, раскланиваясь, неожиданно робко посылала в зал свои руки-птицы и женственно-беспомощные улыбки, как бы говоря: «Я слабая — защитите меня от бурь и невзгод».

— Браво, бис! — кричали в зале.

Жизнь Вадима Козина овеяна легендами. И первая из них — дата рождения. В паспорте у него записано: «Число, месяц, год рождения — 21 марта 1906 года, место рождения — Петербург». Вадим Алексеевич же

настаивает, что родился тремя годами раньше, а возраст убавила ему мама, чтобы иметь возможность подольше получать детскую (льготную) продовольственную карточку. Такое тогда было возможно, в моей семье есть тому подтверждение. Моей бабушке не хотелось быть «из того века», и знакомый секретарь сельсовета запросто переделал ей год рождения с 1899-го на 1901-й. Козин к тому же никогда не отличался богатырским телосложением и всегда выглядел гораздо моложе своих лет.

Слово Вадиму Алексеевичу:

— Дедушка по отцовской линии был крепостным графа Шереметева. Но в знаменитый крепостной театр не попал, это я служил в крепостном театре уже при советской власти. А он платил оброк, работая офеней. Знаете, что это такое? Это бродячий торговец, продававший по деревням мануфактуру, галантерею, книжки, иконы... Другими словами — коробейник. Дедушка сколотил деньжат, выкупился у графа на волю и за сто рублей купил участок земли в Петербурге. Он был очень разворотливый человеком: заложил участок, на вырученные деньги стал строить дом. Построил первый этаж — сдал его в аренду, рассчитался с кредиторами и стал надстраивать второй этаж. В конце концов построил дом, который и до сих пор стоит!

По торговой линии пошел сначала и мой отец Алексей Гаврилович. Смолоду развозил по деревням галантерею, бижутерию. Потом дедушка послал его учиться в Париж. Отец выучился на бухгалтера и с торговлей «завязал», поступив на службу в петербургское отделение банка «Лионский кредит».

Отец сам не пел, но страстно любил слушать! Поэтому и цыганку за себя взял. Проклясть-то отца дед проклинал, но жили мы, сколько себя помню, в его доме. Отец часто меня катал в автомобиле дедушки «Бенц», так что наследства он отца не лишил. А умер дед еще до моего рождения... Наследство, хоть и не миллионное, нам досталось приличное. До самой революции мы довольно хорошо жили, а ведь у отца с матерью кроме меня еще четверо было — моих младших сестер. Вот интересно было бы на наш, козинский дом сегодня взглянуть, он стоит на улице Братьев Васильевых. Ведь я в Ленинграде последний раз был аж в 1938-м!

Воспитание мое началось с уроков Клавдии Владимировны Лукашевич, нашей домашней воспитательницы, известной в свое время писательницы, автора популярной повести «Мое милое детство». Не знаю, как она попала в наш дом, но помню удивительную ее доброту к нам, детям. От нее мне передалась страсть к чтению. Судьба Клавдии Владимировны трагична — в 1937 году она погибла в застенках НКВД...

Музыка, песни буквально жили в нашем доме. Мой крестный отец Башкирцев работал председателем знаменитой фирмы «Зонофон» в России. Он нам подарил большой фирменный граммофон с заводом на двадцать четыре пластинки и всегда

приносил новые записи. Мы их постоянно слушали и вскоре выучивали наизусть.

— Вспоминаю, — продолжает рассказ Вадим Алексеевич, — как, ставя пластинку Вяльцевой, я влезал на стул и орал в трубу, стараясь перекричать «несравненную»! Вот так и «учился» петь. Музыка меня пытался учить отец, нанял учительницу, но, когда дело дошло до гамм, я забастовал. Нотную грамоту до сих пор толком не знаю, с трудом записываю и разбираю ноты. Но инструментом владею, как-то само собой получилось, что научился. Ну, а потом была богатая практика, когда тапером в кинотеатрах работал.

Первые цыганские песни я узнал от бабушки Ксении Александровны Маштаковой, певицы цыганского хора, и от мамы — Веры Владимировны Ильинской. Как сейчас помню, молодая красивая мама перебирает струны палисандровой гитары и напевает: «Люблю я цветы полевые». Этот мотив потом украли авторы знаменитого «Синего платочка». Мама и бабушка пели не только цыганские, но и русские песни, старинные романсы. Так что я певец как минимум в третьем поколении...

В 1922 году умер отец, и на мои плечи легла забота о маме и сестрах. Едва закончив школу, устроился работать грузчиком в порт, а по вечерам озвучивал немые фильмы, играя за кулисами в кинотеатре. Вот это была практика! Приходилось по несколько часов подряд непрерывно наигрывать разные танго, фокстроты, попури. К концу сеанса болела спина, немели пальцы.

Каким-то образом я еще выкраивал время на посещение кружка художественной самодеятельности Ленинградского монетного двора. На улице Правды, в помещении бывшей церкви был оборудован рабочий клуб, где мы, кружковцы, часто выступали перед рабочими. Это — первые мои публичные выступления...

Потом я поступил в комический хор Чарова, был простым хористом, но мне иногда давали играть маленькие роли. Помню, даже как-то удостоился играть роль великого князя. Хе-хе, «удостоился»! Наверное, за маленький рост — ведь тогда к князьям-то отношение было соответствующее...

Тут нельзя не вспомнить и мою неудавшуюся морскую карьеру. После школы, в 1923 году, мы с приятелем поступили в военно-морское училище. Но очень скоро выяснилось, что происхождение мое отнюдь не пролетарское, и меня с треском выперли. Так и не стал я морским волком, а море любил всю жизнь. У меня много песен, я часто на судах выступал, даже здесь, в Магадане. Вот мне моряки подарили значок — видите, в форме подводной лодки? Он мне очень дорог.

Тогда в кинотеатрах после сеансов бывали, как правило, дивертисменты, концерты с участием артистов разных жанров. И такое считалось весьма ответственным, ведь на сеанс собиралась масса публики! И вот как-то в сборном концерте заболела известная артистка. Тут-то, как в сказке, мне и предложили: «Давай, дескать, докажи, что ты умеешь петь!» А что петь? Вот и решил тогда спеть свою песню (а сочинял я всегда, сколько себя помню) на слова своего родственника поэта Придворова — «Песню о стратостате». Публике понравилось, и моя судьба была решена!

— Вадим Алексеевич, — перебил я, — ведь «Песню о стратостате» написал Демьян Бедный!

— Конечно! Бедный — это псевдоним. Все мы тогда имели псевдонимы. Знаете, какой у меня был? Ни за что не догадаетесь! Вадим Холодный. Лихо? Да и какой я еще мог себе псевдоним выдумать, когда каждый день по несколько часов видел на экране Веру Холодную?! Конечно, как и все юноши, влюблен был в нее... Э, да что вспоминать! Кстати, если уж о родственниках заговорили, так я могу похвастаться и родством с Горьким. Если уж не прямым кровным родством, то свойством по крайней мере. Ведь Козины, Каширины, Ягодины — из волжских купеческих родов. Козины — мануфактура и галантерея. Каширины, как вы знаете, — красильщики. А Ягодины — у них были потрясающие сады, фруктовые и ягодные. Так они торговали вареньями и водами фруктовыми. В таких бутылочках интересных, да я вам покажу, у меня где-то есть...

И, конечно, роднились эти семьи. Тетя Дуня, сестра отца, я помню прекрасно, до самой смерти ворчала на

него: «Вот, актерку в семью привел!». Так и не простила отцу, что на цыганке женился. А отец, получая двенадцать тысяч рублей золотом в год, посмеивался: «Всю семью содержу, имею право и с цыганкой жить!» Ах, как хочется вернуться в детство! В дом наш козинский зайти, как сейчас помню адрес: Малая Посадская, 20. Прямо рядом с кинофабрикой. Поэтому и переименовали улицу в честь братьев Васильевых. А тогда, перед войной,

уже был в этом здании «Торговый дом Гавриила Васильевича Козина и наследников»...

— **Перед какой войной? — подаю голос я.**

— Перед империалистической, или, как теперь говорят, первой мировой... Так вот, отец служил главным бухгалтером в банке «Лионский кредит». Банк располагался как раз напротив Казанского собора. Там рядом еще компания «Зингер» машинки продавала, был книжный магазин, дом с шаром-глобусом. Я, конечно, свидетельствовать не могу, но не раз слышал, что покупивал мой отец. Ну, а где кутеж, там и цыгане. Ездил он в Новую Деревню, там и маму увидел, оттуда ее и взял. Вот, видите, фотография моей мамы. Она и на цыганку не очень-то похожа. И дедушка — тоже, он был светловолосый, совсем блондин, можно сказать.

В Новой Деревне у бабушки с дедушкой свой дом был, и вообще они, как теперь говорят, были культурные цыгане... Кстати, о культурных цыганах. Вот Сличенко. Орет! Не поет, а орет!!! Эх, я бы разобрался с «Ромэном»...

Вы спрашиваете, когда я стал профессионалом? Да, пожалуй, в 1924 году. Я тогда выдержал конкурс и поступила Лен-посредрабис. Как расшифровать? Ленинградское посредническое бюро работников искусств. Поступил певцом-вокалистом. Не хухры-мухры! Бюро устраивало нас, певцов, не имевших постоянного места работы. Где я пел? В кинотеатрах. «Колосс» — был такой кинотеатр, «Гигант», как сейчас помню. Вот названия-то какие были...

Я уж говорил о дивертисментах. Был такой исполнитель старинных русских романсов — Дмитрий Алексеевич Камчатов. Он меня «учил жить». «Вадик, — говорил он мне, — я постарше тебя, послушай меня. У тебя — голос! Но не рви себя! Оставляй чуть-чуть! Пусть публика, а публика — дура! — знает, что у тебя есть кое-что в запасе!»

Благодарен я Дмитрию Алексеевичу, у меня до сих пор в запасе кое-что есть! Шучу конечно, а может, и не шучу!

Что я тогда пел? Вопрос, конечно, интересный. Здесь требуется исторический экскурс. Сколько себя помню, подражал Давыдову, Морфесси, Плевицкой, Каринской, Шаляпину, не удивляйтесь! — нет-нет, не Собинову, он почему-то мне не нравился. Ну, вот и репертуар получился. Причем пел такие песни и романсы, которые мало кто исполнял. Здесь и бабушкин репертуар, и Вари Паниной (Васильевой), и, конечно, мамыны песни! У меня есть цикл о маме, об этом после поговорим.

Я даже пел совершенно забытые песни. Кроме меня, их никто больше не исполнял. Тогда это можно было. Ну, и слушала меня публика! Хотя бы «Пару гнедых»! Шутки шутками, а раз пять на «бис» вызывали! Но об этом — в своем месте...

А как жили тогда?! Какие-то деньги смешные были! А чем питались?! Приблизительно чем и сейчас, только хуже...

Но ничего, жили. В 1931 году мне дали место в концертном бюро Дома политпросвещения Центрального района Ленинграда. Вот тут-то я и стал настоящим профессионалом. Ха-ха! Знаете почему? Потому что мой день начинался... с расклейки афиш! «Известный исполнитель цыганских романсов Вадим Холодный» — ни больше, ни меньше. Мама ночью варила клейстер, я утром забегал на склад — и клеил, клеил, клеил. Вспоминаю, что милиционеры интересовались, чем это я занимаюсь. Это — мои первые контакты с представителями власти, потом были и другие...

А с репертуаром были сложности. Хотелось петь романсы, классику, цыганщину. Не разрешали. Разрешали русские народные песни, один-два романса, а уж потом, в виде исключения, могли позволить заветное. Ну, я и «перестроился». Заговорил на «говоре губерний». Потом мне это пригодилось. Очень любил Иосиф Виссарионович Сталин «пскопские частушки» слушать. Да и петь, кстати. Я расскажу об этом потом.

А у меня способности лингвистические! К языкам! Уж двумя-то владею, это точно! Вот — смешной случай. Как-то в очередной гастрольной поездке по Волге стал наш пароход на мель. Делать нечего, сошли на берег, а там как раз расположился цыганский табор. Ну, и давай мы перепевать друг друга. Я вспомнил свою цыганскую песню «Бирюзовые, золотые колечки», пожилая цыганка подхватила. «Откуда ж вы знаете эту песню?», — спросил я. «Ой, дорогой, мне ее еще моя бабушка пела!» А песню-то я сам сочинил! Смешно?

В Москву я перебрался в 1936-м, хотя до этого бывал в столице на гастролях. Ну что вспомнить, извозчика, что ли? Утесов пел про него, но неправду пел. Был извозчик у «Метрополя», один на всю Москву, маскарадный такой, публика в основном на него глазела...

А в Москву я поехал вот как. Опять же, меня выперли. Ставку я попросил повыше. И ведь был же прецедент! Был та-

кой певец Никифоров, голоса-то у него практически не было, скажем прямо, ремесленник. Ему дали, а мне — нет! Вот я и рванул в Москву. И с тех пор в родном городе не бывал, что бы там ни говорили...

«Шиканул» в Москве Вадим Алексеевич! Але в «Национале» устроился. За трое суток заплатил, больше денег не было. Никаких, даже на еду. Правда, хлеба купил и ел его, записывая водой из крана. Но от предложенного аванса отказался.)

— Пришел я в Центральный парк культуры и отдыха, как вам названьице-то?! — продолжает Козин. — Тогда дирижировал там Аркашка Покрасс, мой приятель, я с ним познакомился на гастролях в Москве. О семье Покрассов я тоже расскажу, но не сейчас. Ну, повел меня Аркашка к директору, что-то я ему там спел. Наверное, понравился, потому что директор говорит:

— Мы вас берем, сколько хотите получать? ^{h.} — А сколько дадите?

— Семьдесят пять.

(Самое смешное, что Никифорову дали семьдесят...)

— Аванс дать? — спросил директор

— Нет, — гордо и глупо заявил я...

А назавтра уже пел на сцене Зеленого театра, и аккомпанировал мне, естественно, Аркашка Покрасс! А пел я, как сейчас помню, «Калитку». Что вы! Успех потрясающий!

Сразу обо мне в Москве заговорили. И публика, и пресса.

Вот тогда я познакомился с Тamarой Церетели, Изабеллой Юрьевой, Елизаветой Белогорской. Кстати, Белогорская — не примадонна, прямо скажем, но ей я обязан «Осенью». Когда вы меня спрашивать начнете о моих песнях?

— **В следующей главе, Вадим Алексеевич.**

— Ну ладно. Как тогда концерты проходили? Я уж перечислил некоторых исполнителей. А еще пели Утесов, Шульженко, Юровская. И, разумеется, Козловский, Лемешев, Нежданова, танцевала Уланова...

Не могу не вспомнить, как трепетно относилась к каждому выходу Антонина Васильевна Нежданова. Народная артистка Союза, Герой Социалистического Труда, она каждый раз крестилась перед выходом! Боялась выходить на сцену! Вот мне и урок, вот какие у меня были учителя...

Вы все удивляетесь: Козин нигде не учился. Да я всю жизнь, до сих пор, учусь! У меня около трех тысяч песен! А как вы думаете, откуда они взялись? Я штудирую классику! — **Вадим Алексеевич, мы же договорились, что ваше штудирование Достоевского я опишу в этой книге...**

— То Достоевского... А поэтов? Я тут Евтушенко выдал...

— **Об этом потом расскажете, ладно?**

— Так уж и быть... А Козловский после меня не пел романсов, боялся, пел только оперные арии. И вообще меня всегда в конец концерта ставили, знаете почему? Потому что публика ведь до конца сидела. И ждала, когда же Козин будет... Ну и бисировал же я! Не подумайте, что хвастаюсь, истинный Бог! Вот еще и сольские концерты, кто их мог давать? Утесов — да, но ведь у Утесова джаз-банд какой! А больше-то, в общем, и никто. Утесов да я. А ведь концерт-то продолжался часа три, не меньше, голоса хватало! Это я не про Утесова...

Кстати, о голосе. Вот я тут на своем юбилее в театре сорок три вещи «отмотал», додуматься надо! «Вы, нынешние, ну-тка!» А тогда, в концертах, конечно, поменьше — песен тридцать. И, представьте себе, без всяких магнитофонов. И, между прочим, в Колонном зале. Филармонический концерт — вы себе это представляете? Поют Нежданова, Обухова, Пирогов, Михайлов и... ваш покорный слуга! А танцуют Лепешинская, Уланова. Я, правда, не танцевал, это — шутка.

Это я похвастался. Не так уж часто мне в филармонических концертах приходилось участвовать. Зато в сольных — сколько угодно! Я до сих пор на память не жалею, а уж тогда-то! Что ни концерт, то новинки, об этом и в газетах писали. Откуда это бралось? Молодой был, здоровый, ну и, конечно, работал по-лошадиному, дед-то барышник!

А в память второго деда я пел «Коробейников». Тогда и пластинки пошли, шутки шутками, а моих пластинок было около полусотни. Было ли столько у других певцов? Вот опять на юмор потянуло. Помните «Газовую косынку»? Женский романс, его и Церетели, и Юровская, и Юрьева пели. А на пластинку меня записали! Ну что я могу поделывать, если у меня такой голос!

(Тут я прерву Вадима Алексеевича. Кроме тех пятидесяти пластинок, вышли еще несколько в США, о чем речь ниже, три «гиганта» фирмы «Мелодия», но уникальным собранием является фонотека Магаданского облтелерадиокомитета.)

Потом меня приняли на работу во Всероссийское гастрольно-концертное объединение, всю Россию объехал.

А с какими
людьми познакомился!

Знаете, устал, давайте отдохнем...

После перекура, а у Козина это целый ритуал, исключаящий, кстати, употребление табака, мы продолжаем беседу. Речь зашла о творческом методе маэстро.

Выбираю наугад:

— Вадим Алексеевич, песня «Последний раз».

— «Последний раз», — с ходу врубается Козин, — это старинный романс (слышали бы вы, уважаемые читатели, как он произносит это слово! — А. М.), музыка Прозорова, а не Прозоровского, учтите! Прозоров еще до Прозоровского был. А слова сейчас и не припомню... Вот только: «Последний раз дохнул на клены ветер...»

— Вадим Алексеевич, а «Осень» — ваша самая знаменитая песня?

— Да уж, знаменитая, всегда в концертах просят... А судьба ее, можно сказать, трагическая, то есть не песни, а автора слов. Помните, я говорил о Елизавете Белогорской? Она была не только певица, но еще и поэтесса, писала тексты песен. Вот она мне и отдала «Осень». А с Елизаветой Борисовной вот что произошло. Она во время войны стала писать антифашистские тексты. Ей, кстати, большей частью аккомпанировал Борис Иванович Фомин, да и музыку ей часто писал. А она была лучшей подругой Тамары Семеновны Церетели. Так вот, когда немцы стали подходить к Москве, Тамара Семеновна и предложила Елизавете Борисовне: «Лиза, едем ко мне, в Тбилиси!» Доехали они только до Кисловодска. Церетели удалось улететь самолетом. Белогорская поселилась в гостинице, где ожидала телеграммы от подруги. А вместо телеграммы пришла весть, что немцы заняли Минеральные Воды. Елизавета Борисовна решила, что ей, еврейке, при фашистах не жить, наломала спичечных головок, как-то их там настояла и от-ра-ви-лась...

А написал эту песню я в Донецке, тогда Сталине, в 1939-м. Помню, дождь шел, а в зале гостиницы рояль стоял. И мне почему-то вспомнился текст, и пришла в голову мелодия, тем более, что и стук дождя помог. «Та-та-та-тата»... Ну, и так далее. Уж не знаю, почему она всем понравилась. И все время просят, и не только на концертах. И не в обиду будь сказано вам, телевизионщикам и радиийщикам, не уважаете вы мнение публики! Или вам не рекомендуют, или начальники запрещают, или вам самим не нравится Козин?

— Вадим Алексеевич, вернемся к песням. «Пара гнедых»?

— «Пара гнедых» — это очень старинный романс. Музыка Донаурова, слова Апухтина. Только я «поправил» Апухтина. У него так: «Грек из Одессы и жид из Варшавы...» Я переделал: «Русский, француз, англичанин и немец...» Она же была дама полусвета и, наверное, дороговато стоила! Тут нельзя не вспомнить, что начальников, даже комиссаров тогда хватало, и мы были обязаны не только показать, но и спеть буквально каждую вещь. И нотную запись представить. «Пару гнедых» только двоим петь разрешили — Тамаре Церетели и мне. Ей-Богу, не вру! Я, наверное, начальников подкупил тем, что сделал упор на паре гнедых тружеников... Ведь у Апухтина это главный образ, и стих-то назван в их честь, вот наша с автором трактовка и удовлетворила начальство.

Вот только с записью на пластинку этого романса вышла неувязка. Да если бы только этого! Тогда ведь записывали на одну сторону, и надо было «влезть». Как сейчас помню, пою, а мне из-за стекла машут: «Быстрее, быстрее!» А у меня половина песен — паузы, актерская игра. Так что то, что вы сейчас слушаете, — это Козин наполовину...

Та же самая история с «Нищей», любимой моей вещью. Вспоминаю голодный и холодный Петроград. Под газовым фонарем около Казанского собора стоит женщина «из бывших», вся в черном. «Кому спички?» — спрашивает и протягивает коробки. А голос тихий-тихий, еле слышный. У меня были какие-то деньги, и я протянул ей. «Спички стоят две копейки!» — окрепшим вдруг голосом ответила мне эта гордая женщина и не взяла моих денег. Поэтому я, когда пою Беранже и Алябьева, каждый раз вспоминаю глаза той женщины. Наверное, получается неплохо, публике нравится...

Хотите, развеселю? Вот у меня целая пачка писем, открыток, смотрите, какой адрес: «Колыма. Вадиму Козину». Или: «Магадан. Вадиму Козину». И доходят! Ну, меня, правда, девочки-почтовички хорошо знают, спасибо им. Моя благодарность им — новая песня, я ее совсем недавно написал — «Тридцать шесть, четыреста один». Это песня о девушке, военном почтальоне. И никто не знал, как ее зовут, все знали только ее номер. Стихи написала Нина Новосельнова, а я — музыку. Там есть такие слова: «Ждут тебя седые адресаты, старые товарищи мои. Это им под пулями когда-то ты носила весточки любви. Я прошу тебя — откликнись, почта, слышишь, почта! Тридцать шесть, четыреста один!». Эта песенка уже записана на пленку, передадим ее Левашову в передачу «Песня далекая и близкая». Ее передадут по радио — а вдруг почтовичка эта еще жива? Ведь поэтесса с натуры стихи написала...

— Вадим Алексеевич, уж если мы заговорили о современном этапе вашего творчества, то расскажите, пожалуйста, о песнях на слова магаданских авторов.

— О, их очень много! Вот, скажем, целый большой цикл «Я люблю эту землю» на слова Петра Петровича Нефедова, мы были с ним хорошо знакомы. Ну, и мои песни есть о моем втором родном городе, ведь я здесь уже почти полвека живу. Они у меня практически все на магнитофон записаны, если же какая не записана, могу и сейчас напеть, а не получится — хотя бы наговорю. А то ведь пропадут!

И еще у меня в планах — песенная антология о комсомольцах тридцатых годов. Вы многих песен тогдашних, уверен, не знаете. Например, «Мальчишку шлепнули в Иркутске», «Ответы комсомольца», «Я тебя не ждала сегодня». Очень много, которых вы и не слышали вообще, а я их в свое время пел. У меня в репертуаре этих песен около двадцати, чем не антология? Да и кто их, кроме меня, помнит, а ведь это — наша история...

— Вадим Алексеевич, мне кажется, что ваша творческая манера — работать с циклами.

— Да, вы правы. Вот цикл песен о матери. «Локон матери» написал мой старинный друг Владимир Сидоров, мы с ним еще в Ленинграде дружили.

«Песню о матерях» тоже для меня Сидоров написал. Что еще? «Пишите письма матерям!», «Рассказ солдата» — тоже о матери: «Я люблю пережитые были в зимний вечер близким рассказать, далеко в заснеженной Сибири и меня ждала старушка мать». «Письмо матери» Есенина пел. Об этой песне многое можно рассказать. В тридцатые годы на Есенина гонения были. А я как-то в Ростове на концерте исполнил эту вещь, там меня в газете так разругали, что просто ужас! И ко мне на другой день утром пришел молодой человек, худенький, высокого роста. «Вадим Алексеевич, — говорит он, — вы не обращайте внимания, это наши рапповцы "развлекаются". А вы вот возьмите мои лучшие стихи, сделайте из них песни». Ну, я и взял

«Шинель мою походную», «Позабыть я тебя не сумею, разлюбить я тебя не смогу», еще что-то. Это был еще совсем молодой Анатолий Софронов. Песни на слова Софронова я в годы войны пел и даже в кино с ними дебютировал. Меня сам Марк Донской снимал, но я себе не понравился — ни как выгляжу, ни как пою. А вообще-то в архивах Мосфильма та пленка, наверное, осталась, вот бы сегодня посмотреть! Но Софронов, конечно, не Есенин!

—Вадим Алексеевич, какие поэты вам нравятся, или точнее— чье творчество созвучно вашему?

— Мое творчество триедино — текст, музыка, исполнение. Чем привлекает мое внимание текст? Трудно сказать. Это может быть и классическое произведение, и газетная «однодневка». Бывает, что один какой-то образ привлечет внимание. И вот зазвонит в душе некая струна... Бывает, сразу песня рождается, а иногда и по семь вариантов прокрутишь, да и отложишь, — у меня много таких песен. И по несколько раз к ним возвращаешься, нет-нет да и вспомнишь и постепенно до ума доведешь... А вообще-то с каждой песней по-разному. Я не говорю о классиках. Например, одно время мне Евтушенко нравился, несколько песен на его слова у меня написано. Он об этом знал и, когда приехал в Магадан, зашел ко мне познакомиться. Между прочим, на вашем месте сидел. У него как раз вышла поэма «Непрядва», я ее в то время читал и, как всегда, оценки прочитанному ставил, на полях заметки делал. Ну, и показал автору. А у меня там и «двойки», и «тройки» стояли, и всякие замечания на полях были написаны. Он спросил: «Ну что вы так строги, Вадим Алексеевич?» А я возьми и скажи: «А вы думаете, что вы — Александр Сергеевич Пушкин?!» Он ничего не ответил, но, вижу, аж зубами скрипнул — не привык, видимо, к справедливой критике... А вот с Дементьевым я лично не знаком, но он мне нравится, и на его стихи я с удовольствием песни пишу...

Я любил и люблю песню, которая имеет содержание, а уж потом — музыкальный образ. Я уже говорил про «отложенные» песни. Вот я выбрал текст, а музыкального решения пока нет, он у меня полежит-полежит, и вдруг у меня появляется какая-то мелодия... А память у меня такая, что все отобранные тексты я до сих пор помню, а мне под девяносто... А пока смогу помнить тексты, буду и песни сочинять!

(Память действительно уникальная. Трудно проверить, помнит ли Вадим Алексеевич свыше трех тысяч текстов, но за все годы знакомства с певцом не припомню ни одного случая, чтобы он не смог воспроизвести какой-либо текст, причем это относится не только к «его» вещам. Он помнит, что и как пели его бабушка, мама, корифеи эстрады прошлого — Панина (Васильева), Вьяльцева, Давыдов, Морфесси, его современники — Церетели, Белогорская, Шульженко, Утесов, оперные певцы Нежданова, Обухова, Лемешев, Козловский. Повторяю: помнит не только что, но и как! И при этом часто «забыл» многие факты собственной биографии.)

Так вот, вспоминая этот отложенный текст, нахожу его, вы же видите, у меня столько вырезок с текстами — половина, наверное, всей библиотеки. Здесь их тысячи, и я знаю, где какой лежит. Нахожу и начинаю музыку (мелодию) подбирать. Бывает, на фортепиано мелодию подбираю, частенько включаю магнитофон и сразу записываю песню! А вот как это получается, об этом я вам не скажу, потому что и сам не знаю. Получается — и все! Или не получается, такое тоже бывает, и тогда я снова откладываю текст. Но чаще получается! Вот вам крест, не вру!!!

— Вадим Алексеевич, вы часто «внедряетесь» в текст, изменяете его, как и музыку?

— Да! Музыку я тоже изменяю. Иногда нужно изменить и текст, и музыку для лучшего восприятия. Вы меня понимаете? Подогнать, если хотите, текст и музыку «под Козина», понимаете? И здесь не в тщеславии дело! Господи, я же этой славой по горло сыт! И какое там тщеславие?! Я просто хочу, желаю и настаиваю, чтобы люди правильно понимали то, что я пою, то, что я делаю...

Вот вам и триединство — текст, музыка и исполнение...

...Старый человек шагает по улице города. Оказывается, возможно и такое — он почти вдвое старше города!

Маршруты его самые обыденные — почта, магазин, прачечная и, конечно, — театр, благо последний находится рядом с домом.

И вот странность, даже парадокс. Все магаданцы знают, что в их городе живет великий певец, патриарх советской эстрады. Вот он, живой и здоровый, с ним можно поздороваться, и он в ответ улыбнется, даже иногда приподнимет шляпу, и тем не менее — он рядом и как бы поодаль. Ибо он — человек-легенда. Вдруг видишь, как старец, к примеру, выносит, держа на вытянутых руках, бадью с мусором на помойку. Бросаешься помочь и слышишь в ответ отнюдь не ласково: «Спасибо, я — сам! Сам!!!» Отскакиваешь, как ужаленный, потом вдруг осознаешь, что маэстро не приемлет помощи ни от кого! А шефство над ним пытались брать многие. И друзья, и поклонники, и даже различные организации. Но не тут-то было! Козин принимает только то, что, по его мнению, ему положено по закону — весьма скромную пенсию и незначительную материальную помощь от Союза театральных деятелей.

Продавцы, киоскеры, работники почты, прачечной знают знаменитого певца, в магазинах везде пропускают его без очереди, а он довольно сварливо и во всеуслышание вещает: «Да не надо мне никаких льгот! Я и в очереди постою! Вот избавьте народ от очередей, тогда и я без очереди возьму! Да и много ли старику надо? Мне — кусок хлеба и бутылку кефира да кошке кусок рыбы!»

И снова кокетничает Вадим Алексеевич, как говорит, «работает на публику». Союз театральных деятелей добился, чтобы певца снабжали через ветеранский магазин. Прямо на дом ему доставляют продовольственные пайки. И если не всегда, то уж к праздникам обязательно. Я об этом пишу специально, чтобы развеять еще одну легенду, что якобы Козин чуть ли не умирает от голода. Кстати, я сам был свидетелем, когда начальник областного управления культуры В. Савченко предлагал Вадиму Алексеевичу перебраться в более просторную квартиру, на что певец весьма капризно ответил: «Стар я переезжать! Вот освободите соседнюю квартиру да прорубите дверь в стене, тогда мне и будет попросторнее. А вообще-то помереть мне и здесь места хватит!»

В один из дней рождения Козина управлением культуры ему был подарен отличный костюм. Так ни разу и не надеванный, он висит в шкафу. «Похороните меня в нем!» — безапелляционно заявил Вадим Алексеевич. И продолжает демонстративно ходить в старом свитере, собственноручно заштопанном на локтях. Впрочем, в театре Козин появляется в аккуратно вычищенном и выглаженном коричневом костюме и даже при галстуке.

Этакая бедная, но гордая старость. Чуть напоказ, что, по-моему, вполне простительно артисту. Вот еще штрих, как говорится, «из той же оперы». Гостей Вадим Алексеевич встречает давно отработанный фразой: «Башмаки не снимайте. У меня не синагога, а келья! А может, и камера...» И не поймут гости, то ли шутит хозяин, то ли говорит всерьез.

К властям относится лояльно: «Зла ни на кого не держу, время такое было...» Политически активен. Во всесоюзном референдуме участвовал, голосовал за Союз. Голосовал и за Б. Н. Ельцина. ГКЧП не признал, искренне радовался победе демократических сил. Гордится — о, да еще как! — тем, что ни разу не спел ни одной песни о Сталине, считает, что и репрессирован был именно за это. Но сие — опять же из серии легенд.

Итак, Козин шагает по улицам Магадана. Несколько слов о городе. Лик Магадана неординарен. Разумеется, здесь есть проспекты Ленина и Маркса, есть и площадь Ленина. Как и парк культуры и отдыха. Но не имени Горького, а имени... Генриха Ягоды! Дома на проспекте Ленина построены японскими военнопленными по проекту молодых ленинградских архитекторов. Центр города так и называется — «маленький Ленинград». Есть и кварталы «хрущевок», в одной из которых и проживает мой герой. Новостройки — «улучшенной планировки». Народное название одного из новых микрорайонов — «Яма», и по нему читатель может судить о степени этого «улучшения».

Можно ли любить такой город? Старожилы, уже не говоря о коренных магаданцах, считают: можно! Вадим Алексеевич Козин заявляет совершенно однозначно: «У меня два родных города — Ленинград, где я родился, и Магадан, в котором я прожил почти полвека. Я люблю этот город и никуда из него не уеду! Вот сейчас зовут и в Ленинград, и в Москву, и почему-то в Караганду, а я никуда не уеду. Был бы помоложе, съездил бы просто посмотреть, сравнить — ведь в свое время я весь Союз объездил. Но, видать, уж не суждено. Надо здесь доживать... Как сказано в одной из моих песен на слова Петра Нефедова, "ничуть не жалею, не сетую, что второю он родиной стал..." Я эту песню всегда пою совершенно искренне, от всей души. У меня и концерт назывался, как и эта песня, — "Я люблю эту землю". Это, если хотите, значительная составная часть моего творческого кредо. Вот так-то!»

В 1944-м, когда в Магадан был доставлен опальный певец, город был зажат не только сопками, но и сторожевыми вышками. Пароходы с заключенными встречали усиленные конвои с собаками. Была в Магадане и тюрьма—знаменитый дом Васькова. Поэт Анатолий Жигулин вспоминает: «Город Магадан был скучен, малозажен. Бросалось в глаза почти полное отсутствие на улицах какой бы то ни было растительной зелени. До пересылки Берегового лагеря тянулись долго, тянулись длинно — целый корабль людей привезти, полные трюмы! Пересылка была, естественно, на окраине, далее начиналась кочковатая болотистая низина и сопки...»

О том, что собой представлял тогда Дальстрой, и Магадан в частности, можно прочитать в недавно опубликованных книгах В. Шаламова, Е. Гинзбург, З. Лихачевой, А. Жигулина, других узников сталинского режима. Я же здесь расскажу о начальнике Дальстроя И. Ф. Никишове, ибо герою моей повести довелось иметь с ним дело.

Иван Федорович Никишов — человек своего времени. Батрак. Грузчик в царицынском порту. Первая мировая война, призыв в действующую армию... Заамурская дивизия, позднее — служба на границе с Персией. Революция... Служба в Красной Армии. Закавказье. Подавление кулацких восстаний. Снова служба на границе. Первая крупная должность — начальник пограничного округа в Азербайджане. В 1938 году возглавил хабаровское УНКВД, в следующем году был назначен начальником Дальстроя и прослужил в этой должности до 1948 года. Так сказать, долгожитель системы. Личность весьма и весьма неординарная, генерал сумел так поставить работу Дальстроя в годы войны, что в 1945 году его удостоили одного из высших полководческих орденов — Кутузова 1 степени, а возглавляемый им трест в феврале 1945-го был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Иван Федорович ругался матом, не чурался рукоприкладства, но зеков расстреливал гораздо меньше, чем один из его предшественников, зловещий Гаранин, и вообще при случае мог сыграть роль «отца-командира». Не был лишен и поползновений к меценатству, впрочем, этим охотно занималась его молодая красавица жена Александра Романовна Гридасова...

Умел Иван Федорович и высоких гостей встретить, показать, что называется, товар лицом. Так было во время визита на Колыму вице-президента США Уоллеса, когда в честь высокого гостя в местном театре (в Магадане был театр, который «построил» все тот же Никишов. Так, во всяком случае, он сам считал) был дан концерт.

А когда американская делегация отправилась на прииски, там тоже был устроен «театр». Буквально в одну ночь исчезли сторожевые вышки, в лагерных магазинах появились товары, вохровцы и заключенные обрядились в новенькие робы и так

далее. Не обошлось и без прокола, когда в ответ на приветствие вице-президента США «рабочие» лихо гаркнули: «Здравия желаем!». Ух, и погуляли потом генеральские кулаки по скулам несмышленных подчиненных!

Любил и умел Никишов свой быт обустроить. Вдоль всей Колымской трассы были построены «дома дирекции», украшенные картинами, бронзой, зеркалами, коврами. В каждом — отличный буфет, повар, завхоз, охрана. Раз в год, не чаще, во время командировок Иван Федорович ночевал в своих резиденциях. Остальные 364 дня заключенные поддерживали в них идеальный порядок.

Старожилы рассказывают, что проезжал как-то генерал мимо детского садика на своем «ЗИМе». Увидел детишек, умилится и целый час их на автомобиле катал, потом даже сфотографировался с ними. Прямо Дед Мороз...

А был и такой факт. Пьяный Никишов в театре орет, визжит, слюной брызжет: «Гоните его со сцены в шею! Не хочу слушать гадину! Убью, мать-перемать!». Это он на Козина орал...

В полной и безграничной власти этого сатрапа Вадим Козин находился целых четыре года...

Вадим Алексеевич сердится! Это надо видеть: вздернутые кисточки мефистофельских некогда бровей, дыбом вставший венчик седых волос, вздетые руки, горящий взгляд! И это надо слышать — Богом данный и самой природой поставленный, нестареющий голос:

— Нет, вы поставьте вашего Леонтьева или ту же Пугачеву на сцену Колонного зала. Да без микрофона! И пусть они под рояль хоть одну песню исполнят! Пусть попробуют!!! Ни черта у них не выйдет! А мы пели! И в Колонном зале, и в Зеленом театре, и в Кремле. И без всяких микрофонов! Потому что голоса были. А если голоса не хватало, как, скажем, у Утесова, Бернеса или у того же Вертинского, так артистизмом брали. Вот Вертинский. Это великий эстрадный артист. Такого больше не было, нет и не будет!!! Ходят легенды, что мы враждовали, соперничали. Ничего подобного, мы дружили, были на «ты». Он мне не раз говорил: «Да, Вадик, у тебя голос, и я никогда так не спою, как ты. Но ведь и ты никогда не споешь так, как я!» И он был тысячу раз прав! Одни его руки чего стоили, поющие руки. А как он умел с текстом работать! Ведь и Кузмина, и Ахматову переделывал, из женского мужской стих делал. И ничего, авторы не обижались. Даже Ахматова не обижалась, а была она, как сейчас говорят, крутая женщина.

(Отмечу в скобках эту милую оговорку: «Как сейчас говорят». Вадим Алексеевич прекрасно знает, как сейчас говорят, но очень любит подчеркнуть, что он — человек из прошлого, этакий «мастодонт».)

Или вот пример — Русланова и Шульженко. Конечно, у Руслановой голос сильнее, мощнее, настоящий большой голос. Но споев она песен десять — и все, публика устала. А Клавдия Ивановна по десять-пятнадцать раз бисировала! Вот что значит истинный артистизм!

Я часто Колонный зал вспоминаю, а как же не вспоминать?! Самым престижным считалось там выступать. Мне один певец, не буду называть его фамилию, жаловался: «До седых волос дожил, сорок лет на сцене, а в Колонный зал так ни разу и не пригласили. Ей-Богу, Вадим, плакать хочется!» Вот что такое был Колонный зал! Ну и конечно, правительственные концерты — это была высокая честь, туда буквально единицы допускались. Как-нибудь подробнее расскажу.

А сейчас своих аккомпаниаторов хочу вспомнить, они мой успех по праву разделяли. Вот Юзек Скомаровский, это еще в Ленинграде. Помните знаменитый джаз Скомаровского? Так вот, Юзек — его младший брат. А когда я приехал в Москву, мне аккомпанировал Аркадий Покрасс. Покрассов был целый клан. Самуил Покрасс эмигрировал, человек он был состоятельный, купил себе баронское звание и стал фон Покрасс! Вот смеху-то было — еврей стал немецким бароном! Ротшильд, да и только! Были еще Дмитрий и Даниил, Аркадий, разумеется, и Изабелла Покрасс. Все они были изумительно музыкальны, сочиняли музыку, блестяще аккомпанировали. А с Аркадием вот что произошло. Тогда законы были суровые — опоздал на работу, тут же увольняют, а могли и под суд отдать. И вот Аркаша опоздал. Публика ждет, я давно готов, конференсье был, как сейчас помню, Гаркави. Он велел рабочим бить об пол молотками, чтобы публика думала, что что-то чинят на сцене за закрытым занавесом. Минут десять ждем, тянем время. Вдруг появляется белое такси, лихо разворачивается перед Зеленым театром, и из машины выскакивает как ни в чем не бывало Аркаша со своей девушкой. Администратор ему и говорит: «Марш на сцену, а с завтрашнего дня ты у нас не работаешь!» Так и уволили Аркадия, а мне нужно на гастроли ехать в Горький. Мне дали Мишу Воловаца из утесовского джаза, причем дали буквально на несколько дней, чтобы не сорвать гастроли. И вот выступаю я в Горьком, а сам все время думаю: «Где же аккомпаниатора раздобыть?» И вот как случается: на ловца и зверь бежит. Утром приходит ко мне в гостиницу молодой человек, рыжеватый, худенький, веснушчатый, остроносенький такой и застенчиво говорит: «Вадим Алексеевич, вы не прослушаете мои вещи? Я вообще-то пианист, но и сочиняю иногда. Сейчас играю в ресторане в джазе». Со мной ездил администратором старичок такой, Михаил Васильевич Басманов, он, кстати, был в свое время администратором у моей тети Насти Вяльцевой. Он и говорит: «Поиграйте, молодой человек, благо вот рояль в номере есть!» Тот заиграл в таком полуджазовом стиле. Я стал подхватывать — я тогда как раз решил джазовые вещи в свой репертуар добавить. Михаил Васильевич шепчет мне на ухо: «Нравится парнишка?» — «Нравится», — отвечаю. Михаил Васильевич спрашивает у пианиста: «А как ваши имя и отчество?» Тот: «Зовите меня просто Додик, меня все так зовут! А вообще-то я Давид Владимирович Ашкенази...» Так я стал работать с выдающимся пианистом современности. Не хвастаясь, скажу: в люди его вывел.

Здесь уже, в Магадане, я познакомился с Борисом Евгеньевичем Тернером. Он начал мне аккомпанировать. Как он мечтал записаться со мной на пластинку! Вот в Америке вышла пластинка, мне прислали, и я глазам не поверил: аккомпаниатор — Б. Тернер! Где они нас записали? А Борис Евгеньевич не дожил, так и не услышал себя на пластинке. Эти пиратские записи мне много крови попортили! И как только они ухитрились?! И кто они вообще, эти пираты? Вот выходят и выходят пластинки в Америке, а откуда они берут записи? Я ведь ни копейки не получаю за это. Уж не говоря о том, что не даю своего согласия. Самое настоящее пиратство!

Борис Евгеньевич умер в Москве, но завещал похоронить себя в Магадане. Жена исполнила его последнюю волю... Мир праху его, аккомпаниатор он был прекрасный и настоящий Друг...

Здесь же, в лагере, я познакомился с Энтиным. Его сын теперь знаменитый поэт-песенник, а тогда мальчиком по нарам бегал. Хотя у нас не совсем нары были в камерах, как-нибудь расскажу... А вообще-то кто только не аккомпанировал мне! Пел я и под джаз, и под ансамбль, и под гитару, и под аккордеон, и под скрипку. Нравилось под рояль и скрипку, был тут в Магадане такой скрипач Дзыгар... Был, слово-то какое... Многие, с кем довелось дружить, работать, уже, к сожалению, «сбыли»...

Я и Эдди Рознера помню, он здесь тоже сидел.

— А я думал, — пытаюсь пошутить, — он здесь на своей знаменитой золотой трубе играл.

Вадим Алексеевич не приемлет шутки:

— Он сидел! Ну и, разумеется, великолепный джаз создал. И сам играл, да как играл! Он здесь и женился, и дочка у него здесь родилась, он ее потом в ФРГ вызвал.

— Вадим Алексеевич, вы про аккомпаниаторов рассказывали, кто из них, на ваш взгляд, лучший?

— Вадим Козин, кто же еще?! _

— ???

— Откровенно говоря, у меня более двухсот своих песен. Мне бы их на всю жизнь хватило. Да их и гораздо больше могло быть, если бы не приходилось всякой ерундой заниматься. А ерундой приходилось заниматься, приходилось! Вы понимаете? Хотя я и не угодничал, как другие, но все равно старался на рожон не лезть. Вот так и работал, ну да ладно, чего вспоминать, прошедшего не воротись, а я зла ни на кого не держу. Но последние мои концерты, когда Вадиму Козину аккомпанировал Вадим Козин, вы уж оставьте Вадиму Козину!

* * *

— Вы даже себе представить не может, какую длинную я жизнь прожил! — как бы сам себе удивляясь, даже чуть обиженно говорит Вадим Алексеевич. — И почему-то все помню! Это даже удивительно, ну вот, как сейчас, перед глазами государь император...

— **Кто-кто??!!! — ушам своим не верю.**

— Государь император Николай Второй... С государыней императрицей. И с наследником Алексеем Николаевичем.

— **Фотографию вспомнили?**

— Зачем фотографию? Живых и, слава Богу, здоровых. Это было еще до войны, в Петербурге

— **До какой войны?**

— Ну, до этой, как ее, империалистической. Императорское семейство каждый день гуляло в определенные часы по улицам недалеко от дворца. Его Императорское величество здоровался со всеми, с некоторыми даже разговаривал. Прекрасно его помню, и наследника помню, Алексея. Он был всегда в таком матросском костюмчике. И среди нас, мальчиков, мода такая была на матросские костюмчики. И у меня был такой костюмчик, и как же я его гордо носил! И никакой охраны не было! То есть, как я сейчас понимаю, охрана была, но ее не было заметно. Вот так они гуляли среди народа и со всеми здоровались...

— **Вадим Алексеевич, выходит, царь-батюшка демократом был?**

— Я рассказываю то, что помню, то, что через всю жизнь пронес, и шутить на эту тему не намерен. Я вовсе не монархист, а вот умирать буду, государя императора вспомню. А шутить и вам не советую...

— **Да я и не шучу, просто мне еще не приходилось с человеком, который царя видел, разговаривать...**

— То-то. — Маэстро польщен. И вдруг — резкий поворот темы разговора. — А вы знаете, в доме у дедушки был телефон! А телефон был тогда не менее редок, чем автомобиль. Так что дедушка был купцом весьма современным, по тогдашним временам.

А вообще семейство было пестрым. Были и вовсе неграмотные, а вот моя тетка, все — и взрослые, и дети — ее почему-то Дашуткой называли, так она Смольный институт закончила, оккультными науками занималась. Смешной случай помню. Как-то вспыхнул абажур на теткинном столике, кажется, я же его и поджег случайно. Пожар быстро потушили, бед он никаких особых не наделал, но шуму было много. Так бабушка моя неграмотная после этого говорила: «Это Дашутка домандрагорилась...»

Помню, как в церковь ходили. По воскресеньям — обязательно. Иногда всей семьей, но чаще — с мамой. Отец не очень религиозный был, но очень строгий, хотя и не лишенный юмора. Помню, как он шутиливо-строго отчитывал тетю Настю Вальцеву за ее знаменитую песню «Гай-да тройка, снег пушистый...» Он спрашивал: «Ну, объясни мне, что это значит: "Мчитса парочка вдвоем"? Что же, можно и втроем, и вчетверном "парочке" мчатся?» «Несравненная» шутя оправдывалась, а отец продолжал притворно сердиться... Видите, какие глупости помню? А, между прочим, эти «глупости» мне в самые трудим с минуты жизни помогали...

Или вот кумир моего детства — Юрий Морфесси. Он приходил к нам красивый, душистый, щедрый на гостинцы и ласку, сажал меня на колени, гладил по головке и шутил: «Вот растет моя смена!» Разве такое забудешь?! Вот, кстати у меня пластинка редкая, английская. Это Юрий Спиридонович уже в эмиграции записал...

(Под потрескивание старой пластинки зазвучал мягкий, густой баритон «Слышен звон бубенцов издалека...»)

Аккомпанирует знаменитый в эмиграции русский оркестр под управлением князя Голицына. Да... Помню, был в Петербурге такой «Цыганский уголок» — не то ресторанчик, не то богадельня для артистов цыганских хоров. Старые цыганки давали ручку целовать, по головке гладили... Такие там романы разыгрывались! Вот, скажем, знаменитая Ляля Черная. Она же дочь князя Голицына! А еще там были старухи княгини Оболенская, Голицына. Князья совершенно официально женились на цыганках, из-за этого приходилось карьерой жертвовать, из гвардии уходить. Но цыганское счастье недолгое! Мужья-офицеры поудирали за границу, а жен с детьми побросали...

Да, есть что вспомнить! Вот знаете романс «Уж гасли в комнатах огни»? Так вот, слова написал великий князь Константин Романов, брат Александра Третьего! Он вообще был страстный меломан, очень любил Чайковского. Есть еще несколько романсов на его слова. Но он никогда не подписывал их, естественно. На старых пластинках стоят инициалы К. Р.

Помню рассказы бабушки по материнской линии, певицы цыганского хора. «Знаешь, почему мы Ильинские?» — спрашивала она. И рассказывала семейное предание. Наш род, пока не осел, тоже, естественно, кочевал в кибитках. Цыгане вообще, как и всякий кочующий люд, считают своим покровителем Илью-пророка. Так во I, но время кочевий они нередко терпели бедствие от разгула стихии. И только кибитки моих предков божественный огонь обходил стороной. «Ну, это понятно, — говорили цыгане, — они же Ильинские», — намекая таким образом на особое покровительство пророка моим сородичам. Так и стал наш род Ильинскими...

И вот однажды, когда я чем-то сильно болел и лежал в детской весь укутанный, входит красивая женщина в сопровождении генерала. Что-то ласковое мне говорят, чем-то вкусным кормят-угощают... Это были знаменитая певица Надежда Васильевна Плевицкая со своим мужем генералом Скоблиным...

— **Вадим Алексеевич, — решил я блеснуть эрудицией, — в воспоминаниях поэта, вашего тезки Вадима Шершеневича, описан такой интересный факт. В январе 1915 года Плевицкая давала концерт для**

штаба одного из корпусов. Выступление артистки продолжалось даже после того, как было получено сообщение по телефону о полном разгроме двух дивизий. И только муж Вяльцевой, полковник Бескупский, решился прервать певицу, заявив, что дослушает романс потом. Некоторые из присутствующих усмотрели ревность к успеху Плевацкой. Полковник даже хотел кого-то на дуэль вызвать...

— Никакой ревности не было. Они дружили! Это все равно, как если бы я ревновал, скажем, к успеху Вертинского. А судьба Надежды Васильевны Плевацкой сложилась трагически. Вместе с мужем она эмигрировала. Генерал Скоблин активно включился в белоэмигрантское движение, но исчез после загадочного похищения генерала Миллера. Пошли слухи, что он был двойным агентом и работал и на германскую разведку, и на НКВД. Надежда Васильевна была арестована как соучастница мужа, судима и приговорена к пятнадцатилетнему тюремному заключению. В 1940 году она умерла в тюрьме...

Все мы вышли из детства — как точно сказано! Вот, скажем, не видел я живого Шаляпина, но зато слушал новенькие, только что из-под пресса, пластинки с его голосом. И решил: «Буду петь точно так же!» Детская глупость? А я до сих пор мечтаю так спеть и всю жизнь к этому стремился. Может, потому у меня кое-что и получилось, что я с самого детства, всю жизнь стремился и стремлюсь к великому образцу, к идеалу. Скажете: впал старик в детство, а я вам отвечу, что я и не выходил из него! Все было — и огонь, и воды, и медные трубы, и еще кое-что, только мне одному ведомое. А умирать буду — детство вспомню...

Виток второй ПРЕИСПОДНЯЯ

— Вспоминать, так вспоминать! — решил Вадим Алексеевич. — Вот вы говорите: слава, слава... (Отмечу в скобках: я ничего не говорил.—А. М.) Слава, конечно, вещь приятная... Очень удобно, когда, к примеру, тебе отведут отдельную каюту на пароходе или купе в поезде во время гастролей, когда тебя все администраторы издалека узнают и по имени-отчеству величают. Прекрасно, когда денег столько, что не считаешь каждую копейку и семье помочь можешь. Короче говоря, в известность, популярность, слава, если хотите, освобождает артиста от бытовых мелочей, помогает все силы сконцентрировать на главном — на творчестве. Но слава имеет и обратную сторону: тебе не дают прохода на улице, у тебя появляется масса «знакомых незнакомцев». И, наконец, самое неприятное — тобой усиленно начинают интересоваться власти предержажие. То есть это поначалу даже приятно. А потом...

Вот вы говорите: Сталин, Сталин... (Опять же я ничего не говорил. — А. М.) А что Сталин? Вот я вам расскажу, так и быть, как все на самом деле происходило.

Год точно не помню, середина тридцатых. Как-то вижу на очередном концерте среди артистов волнение какое-то необыкновенное. Артисты всегда на концерте волнуется, но здесь что-то не то. Подходит ко мне человек в штатском, внешности самой обычной. «Вадим Алексеевич, — говорит, — вы приглашены на правительственный концерт». — «А что я должен делать?» — «Ничего, будьте просто готовы, за вами приедут». Вот тут и я заволновался. Заволнуешься, знаете ли. Ну что я мог тогда запомнить? Помню, приехали двое, вежливо проводили до машины, машина большая, черная. «А что петь?» — спрашиваю. «А что хотите или что попросят». Как везли, куда — не знаю, не до того было, потом узнал — в Кремль. Была ночь... Провели меня в комнату для артистов. Боже мой, сплошные «звезды»! Обухова, как всегда, крестится. Гаркави нервно шутит. Утесов ко всем пристаёт. Лемешев подошел: «Не волнуйся, Вадик, все будет хорошо!» Козловский голос прочищает. А там — Лепешинская. Образцов со своей Кармен шариком катается...

Всех их я знал, со всеми был знаком, по отдельности с каждым на концертах встречался, но чтобы вот так, сразу всех вместе увидеть, да в таком волнении... Было от чего и голоса лишиться! Но все прошло нормально, хоть я и мало что помню о том первом концерте. Показали, куда идти, вышел, даже, ей-Богу, не помню, что и спел. Похлопали жидковато так. Я поклонился и вышел за кулисы. Гаркави по плечу меня похлопал: «Молодец, Вадим, ты понравился, ты теперь — наш!» Подошли двое: «Спасибо, товарищ Козин, куда вас отвезти?» — «Домой», — отвечаю. Отвезли...

Потом было много правительственных концертов. И в Кремле, и в Колонном зале, и еще где-то, не знаю где. По ночам возили и потом домой привозили. Может, на даче у Сталина, а может, еще где — врать не стану, не знаю. Но как они проходили, — расскажу. Я имею в виду не те концерты, которые, так сказать, официально проводились, а те, которые давались для узкого круга, для «самых-самых». Просторное помещение. По периметру, «покоем», — столы с яствами и напитками. Во главе — стол для Сталина и членов Политбюро. Мы выступали лицом к ним. А в углу, у двери, — отдельный стол. Для нас, артистов. Обстановка вроде бы непринужденная. Сидим, как бы тоже ужинаем, а нас по очереди выступать приглашают. Вот все выступили, кто смог — поел, выпил, закусил, кто от волнения не смог — голодным остался. Наступает какой-то определенный час, подходит некто в штатском, спрашивает нагло так: «Нажрались? Проваливайте к такой-то матери!» Вот вам крест, не вру! Правда, всех по домам развезли...

Приходилось бывать на еще более интимных собраниях. Человек десять-двенадцать их, вождей наших, было, не больше. Я, естественно, не считал, не приведи Господь! Я — пел. Что пел? Да все, что просили. И русские песни, и цыганские, и романсы, и частушки. Иосиф Виссарионович особенно частушки, так называемые «пскопские», любил. Сам пел. А я ему аккомпанировал! Вот не сойти с этого места! Впрочем, мне все равно, верите вы мне или не верите. (И снова я ничего не говорил, видимо, Вадим Алексеевич спорил с каким-то внутренним оппонентом. —А. М.) А частушки какие? Да что, могу напеть, я их прекрасно помню:

Ритатухи ходил к Нюхе,
Нюха жила в пологу.
Нюха девочку родила,
Больше к Нюхе не пойду!

Ну, и так далее. Чуть, конечно, собачья, вплоть до матерщины, но вот Иосифу Виссарионовичу нравилось. Он вообще повеселиться любил! И все Политбюро буквально заставлял веселиться, концерты художественной самодеятельности устраивал. Вот выпьют, закусят, а на столах-то чего только не было. Сталин всех заставлял пить водку, сам пил вино. Вот подопьют малость, мы, артисты, развеселим их чуть-чуть, тут-то и начинается «самодеятельность». Жданов — на фортепиано, Ворошилов — на гармошке, Хрущев пляшет, Микоян в ладоши прихлопывает, Каганович ногой притопывает. Только, кажется, Молотов не участвовал в этих «концертах художественной самодеятельности». Да Щербаков всегда мрачный сидел, мой враг номер один, почему — как-нибудь расскажу...

А Иосиф Виссарионович смотрел на своих «орлов» с усмешкой, по-моему, доброй, во всяком случае добродушной. Иногда и в ладоши прихлопнет, и ногой притопнет, и споет-подпоет... Уж не знаю, как там они высокую политику творили, но веселились так, что дым коромыслом! Пир во время чумы, говорите? (Я — нем, как рыба! — А. М.) Может быть, может быть, не знаю...

Постоянно в таких концертах вместе со мной участвовали Лемешев, Образцов, Гаркави. Другие менялись. Вот Образцов, писал недавно, в двадцати семи таких концертах участвовал. Надо же, подсчитал... А я не считал и в друзья к Сталину не набивался, но всегда говорил и сейчас скажу: у меня с Иосифом Виссарионовичем были отношения хорошие, он меня, вернее мои песни, любил. И посадил меня не Сталин. Посадили меня Щербаков с Берией! А Иосиф Виссарионович, может быть и даже скорее всего, и не знал, что я сижу. Вот про него сейчас много чего говорят, а он был тогда прежде всего старым человеком, обремененным неподъемной ношей. Где ему было обо всех и обо всем знать, хотя бы даже и о довольно известном певце. Ну, не поет Козин, да мало ли что? Он, может, и поинтересовался как-нибудь, ему что-то соврал тот же Берия... Ей-Богу, без горечи это говорю...

А Берия во время таких интимных концертов ни секунды на месте не сидел, как какой-нибудь провинциальный администратор — то тут, то там, подслушивает, подзуживает, подсматривает, натравливает. И как Иосиф Виссарионович такого до себя допустил? И как Михаил Сергеевич Горбачев до себя допустил Пуго, да Крючкова, да Янаева? Не переворот, а недоворот какой-то. Что, я не прав? То-то! И вообще должен вам сказать: зря сейчас так на коммунистическую партию напали. Хоть там и аппаратчиков много, но они хоть что-то умеют делать! И о культуре всегда заботились... А если вдруг анархия, хаос, куда же культуре, искусству деваться?! Я, конечно, против диктатуры, за демократию, но ведь сначала надо хоть что-то уметь, а потом уж и на власть претендовать! А то одна говорильня и беспорядок.

Чтобы закончить о концертах этих правительственных, скажу так: это и есть обратная сторона славы. И до сих пор не пойму, не разберусь: высшая ли это честь для артиста или, наоборот, самое что ни на есть глубокое унижение? Ведь артист—лицедей, шут, скоморох! И кто бы ни говорил, к примеру, что искусство принадлежит народу, это, может быть, с одной стороны и так. А с другой? Но на этот вопрос и великий Мольер не смог ответить. Где уж нам, грешным... А перед совестью своей я чист. Ну и что же, ну и пел вождям. Вожди ведь тоже, в конечном итоге, публика...

* * *

Как это было? Теперь можно только догадываться. Попробуем? Итак...

...Зал стоя рукоплещет. Медленно открывается занавес, на сцене — рояль. Из-за кулис одновременно и стремительно появляются Вадим Козин и Давид Ашкенази. Свет в зале гаснет, но миллионом лучей вспыхивает на груди певца знаменитая бриллиантовая звезда, и лучи эти падают на лица восхищенных зрителей. Аккорд, другой и — чудо! Льет в зал чарующий, жемчужно-бархатный голос...

Вадим Алексеевич вспоминает:

— Не знаю, может, было и так, как вы рассказываете. А может, и по-другому. Ведь приходилось петь не только в театрах и концертных залах больших городов. Пел и на погранзаставах, и в клубах-вагончиках, и на полевых станках.

А вообще-то встречали везде и всегда хорошо, по-доброму. Устраивали всегда по-человечески, понимали, что для артиста три четверти жизни — это дорога, поездки. Но то, что вы рассказали, — это только внешняя сторона моей жизни. Концерт, выступление — это ведь только итог большой, не прекращающейся ни на минуту работы. Выбор репертуара, репетиции, подбор солистов, да что там перечислять! Ведь это каждодневная черновая работа, никому, кроме самого артиста, не интересная...

А так, конечно, были и поклонники, и цветы, и из театра на руках выносили, и банкеты были, правда, без всякого там кутежа. И звезда бриллиантовая была, а кто мне ее подарил - не скажу! Имеет же право человек на личный секрет. А куда она делась - об этом спросите тех, кто мой дом в 1944-м обыскивал, но учтите: она им счастья не принесла и не принесет. Недаром моя тетка Дашутка с Мандрагорой и Шамбалой связи поддерживала!

Вообще-то я любил ездить с небольшой бригадой. Администратор, один или двое аккомпаниаторов, балетная пара, а то и один-два декламатора. Такая бригада очень удобна своей мобильностью, в доходах же я никогда не сомневался. На меня публика, скажу без хвастовства, валом валила, аншлаги бывали везде и всегда, начиная с тридцатых годов. Меня даже к западным гастролерам "пристегивали". Кто, например, знал, кто такой Поль Робсон, в 1938 году? Он тогда с Козловским "Ноченьку" еще не спел. Вот и поставили меня к нему в концерт, отдали ему первое отделение, а мне второе. Причем так афишу составили, что не поймешь, в каком отделении кто поет. Вот публика и пришла на меня, а заодно и знаменитого американца узнала и полюбила. Что-то я расхвастался. Пусть другие скажут, как это было, если кто помнит, конечно...

...Помнят, да еще как! Привожу запись воспоминаний ветерана Магаданского областного музыкально-драматического театра, ныне, к сожалению, покойного, Евгения Алексеева:

1938 год, Саратов, театр оперетты. Я тогда в этом театре работал в балетной труппе вместе со своей супругой. Время было голодное, и мы вынуждены были подрабатывать, халтурить, как в театре говорят. Было у нас с женой подготовлено несколько

концертных номеров, мы их постоянно репетировали, потому что надо было в любую минуту быть готовыми станцевать. И вот наш город, — а Саратов очень театральный город, — облетает весть: к нам на гастроли едет Вадим Алексеевич Козин! А он тогда находился в зените славы, мы все мечтали попасть на концерт. Пошел я к администратору за контрамаркой, а он и говорит: «Послушай, Женя, вы ведь халтурите?» — «Упаси Бог», — отвечаю, ведь халтура во все века пресекалась. — «Да не бойся, я не о том. Просто хочу тебе предложить одному тут человеку показаться, ему нужна балетная пара на гастроли. Очень выгодные условия». Я согласился, конечно. И вот после спектакля нас осталось в театре несколько пар, еще из других театров пришли, из самодеятельных ансамблей. Часа два продолжался просмотр. Мы с женой танцевали венгерский танец. Наконец все закончилось. Нам и еще двум парам велено было остаться. «Что-нибудь кроме "Венгерки" сможете станцевать?» — раздался голос из темного зала. «А что бы вы хотели?» — спросил я. «Что-нибудь испанское или цыганское». — «Можем и то, и другое!» — «Ну, давайте испанское!»

Станцевали мы испанский танец. Из зала донеслось: «Всем спасибо большое! Все свободны, а "испанцы" задержитесь, пожалуйста!» Мы ушам своим не поверили!

На сцену легко взбегает невысокий стройный человек, ласково улыбаясь, подходит к нам: «Устали? А со мной не хотите поработать?» — «Кто такой?» — думаю, а со всех сторон несется шепот: «Козин, Козин!» — «Конечно, согласны!» — хором выпаливаем с женой. «Ну вот, к вам завтра подойдет администратор, обговорите условия и собирайтесь в дорогу! С театром мы договоримся, не волнуйтесь!»

Вот так я познакомился с Вадимом Алексеевичем Козиным. За время гастролей мы и страну посмотрели, и деньжат поднакопили, и подкормились, а то совсем от голода доходили. А главное — Вадим Алексеевич вылечил меня (а болел я малярией). Страшная болезнь, особенно когда хинина нет. А хинин тогда был на вес золота. Так вот, Вадим Алексеевич, уж не знаю как, доставал мне хинин, другие лекарства, заставлял усиленно питаться и ведь вылечил в конце концов! А кто я был для него? Очередной партнер по концерту, подтанцовщик, у него таких, как я, были сотни!

А теперь приведу воспоминания с другой, так сказать, стороны, из зрительного зала. Рассказывает поэт Петр Нефедов:

1940 год. Хабаровск. Дом офицеров. Концерт Вадима Козина. Я в то время проходил на Дальнем Востоке действительную военную службу. На концерт попал с трудом, яблоку там упасть было некуда. Военные, тем более офицеры, народ дисциплинированный, но что творилось в зале после каждой песни! Буквально шквал аплодисментов!

Зато какая тишина благоговейная была во время исполнения песен и романсов! И как пел Вадим Алексеевич! Как он играл каждую вещь! Вот, к примеру, во время исполнения «Коробейников» в руках у певца появлялся откуда-то обыкновенный ситцевый платочек, и что только с ним он не делал! Кусочек ситца превращался то в целый короб с товаром, то в украшение «моей желанной», то в брачное ложе влюбленных. А какие «играющие паузы» были в «Нищей»! Это была какая-то нескончаемая поэма о навсегда исчезнувшем чудесном прошлом, но не было тоски по этому прошлому, а возникало острое желание сделать что-то, хотя бы «подать милостыню»! Вот ведь полвека прошло с того концерта, а помню свои ощущения! «Волшебник песни и романса» — так мы, молодые офицеры, называли тогда Козина. И кто бы мог предположить, что через несколько лет я близко узнаю этого человека, мы подружимся, он напишет песни на мои стихи и эти песни в его исполнении услышит вся страна... Но до нашей следующей встречи прошла целая эпоха. Нам обоим было суждено пережить Великую Отечественную войну...

На последнем официальном концерте Вадима Алексеевича мне посчастливилось побывать самому. Концерт состоялся в Магаданском музыкально-драматическом театре имени Максима Горького и был посвящен восьмидесятилетию со дня рождения и шестидесятилетию сценической деятельности патриарха советской эстрады Вадима Алексеевича Козина. Сказать, что зал был переполнен, — это не сказать ничего, публика разве что на люстрах не висела, и то только потому, что бдительные театральные электрики ее туда не пускали.

Вадим Алексеевич остался верен себе: спел и сбисировал сорок три песни и романса — не меньше и не больше. «Отмотал», — как он сам выразился. Правда, рассчитывал спеть ровно сорок, но не устоял перед публикой. После концерта его куда-то уволокли высокие поклонники, и там «где-то» он еще пел. Так говорят, я «там» не присутствовал...

Вадим Алексеевич выглядел в тот день прекрасно — в строгом темном костюме, в белой сорочке, с бабочкой. Подтянут, элегантен, бодр, по-концертному взволнован. Аккомпанировал себе сам. И, как всегда, что-то ставил на рояль. Это таинственное «что-то» — обыкновенный резиновый котенок. Правда, от старости он уже окаменел, усы и глаза стерлись, первоначальный цвет его определить невозможно, как, впрочем, и происхождение. «Кто-то подарил, очень давно, не помню кто, да и какая разница?» — говорит Вадим Алексеевич. — Просто очень давно он стал моим талисманом. Его никак не зовут, просто мой талисман и все. И все!!!» Кто знает, может, и этот котенок хранит какую-то жгучую тайну?..

* * *

— А вы знаете, — так обычно Вадим Алексеевич начинает свои рассказы. И он прав. Я, например, именно от него узнал о так называемом «бриллиантовом фонде» пластинок. Оказывается, в состав пластинок входил некий компонент, необходимый для выработки какого-то материала «оборонного значения», и население должно было не выбрасывать разбитые пластинки, а сдавать их. Естественно, принимались в качестве лома и целые, даже неигранные диски, причем сдача «стратегического сырья» поощрялась, а несдача — каралась.

— Так вот, мои пластинки «на лом» не принимались, а наоборот, выдавались активным сдатчикам в качестве поощрения. В 1941-м я написал песню «Москва», она стала очень популярной. Ее тогда на специальных листовках отпечатывали и с самолетов разбрасывали. Артисты решили дать концерт в фонд обороны. Вот, видите, программка этого концерта, там отпечатано:

Нет, моя Москва не будет взята ими.
Нет, моя Москва останется моей!
По московской улице копытами своими
Не пройдут «Молодчики», не пройдут по ней!

Это и есть моя песня «Москва», один ее куплет. С первых дней войны я — во фронтовой бригаде. Вернее, я сам и был фронтовой бригадой. Наркомат путей сообщения выделил мне специальный вагон, я сам себе подбирал бригаду и ездил по фронтам. Пел в частях, в госпиталях, на военных кораблях, бывал и на западе и на востоке, и на севере, и на юге. И курьезы бывали, чуть к немцам раз не угодил! Живых видел, метрах в трехстах через ручей перебирались. Как тогда ноги унесли, ума не приложу!

Ведь как тогда бывало? Вызывают на концерт, сообщают местоположение части. Едем, по дороге останавливают и сообщают, что там уже немцы. Стремительно тогда враг наступал, что и говорить!

После одного концерта на передовой генерал Баграмян вручил мне «в полевых условиях» орден Красной Звезды...

— **Вадим Алексеевич, а почему не носите орден?**

— Как не ношу? Ношу!

Козин достает парадный пиджак, отворачивает лацкана показывает орден, прикрученный с обратной стороны.

— **А почему так, Вадим Алексеевич?**

— А вот так, — с детской неопровержимой логикой отвечает маэстро. — Мой орден — где хочу, там и ношу, зато он всегда при мне. А всем остальным — кому какое дело? — Вадим Алексеевич опять на кого-то обиделся. — Я и удостоверением участника войны никогда не козыряю. Единственное, о чем прошу, — водки мне без очереди достать и, если можно, дополнительные талончики на водку же. Ведь у меня постоянно гости, угостить их надо. Не будешь же всем объяснять про талончики да про очереди!

В 1943 году возобновил работу московский Дом звукозаписи, и мне предложили записать несколько моих военных песен — уж очень, говорят, они были популярны. Ну, я, разумеется, напел. Помню, там были «Махорочка», «Шел отряд», «Улыбнись, родная», «Тучи над городом встали». А песню Лепина и Лебедева-Кумача «Два друга» как только не называли! Там были слова: «А ну-ка, дай жизни, Калуга! Ходи веселей, Кострома!» Вот ее и называли «Костромская-Калужская», или «Дай жизни, Калуга!», или «Ходи веселей, Кострома!» Пластинка эта каким-то баснословным тиражом разошлась тогда. Куда ни приезжал, везде слышал — и на фронте, и в тылу, и в госпитале, и на передовой...

Да что там говорить! «В лесу прифронтовом», «Жди меня», «Ленинград мой», «Всем ты, молодец, хорош», «Осень», «Дружба» пели все и везде. Вот сейчас фильмы про войну снимают — редко в какой картине эти песни не звучат. А я многие из них впервые спел, уж не говоря о том, что некоторые из них чисто мои! Только почему-то авторы фильмов об этом забывают... Ну, да Бог с ними...

Здесь я прерву Вадима Алексеевича и напомню читателям, что в конце ноября 1943 года открылась Тегеранская конференция глав правительств трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. Перед главами делегаций стояли серьезные проблемы, но... 30 ноября был день рождения Уинстона Черчилля, и это событие было решено отметить интернациональным концертом. Именинник попросил Сталина, чтобы от СССР выступил Вадим Козин! Это при «железном»-то занавесе! Вот вам популярность! Мало того, Черчилль пожелал, чтобы советский артист был доставлен в Тегеран на его личном самолете. Вся операция по доставке певца сначала в Тегеран, а потом обратно в Москву заняла меньше суток. Прошу Вадима Алексеевича подробнее рассказать об этом.

— Вспоминаю все это, как далекий полузабытый сон. Из приглашенных на концерт звезд помню Мориса Шевалье, Марлен Дитрих, Изу Кремер. Иза Кремер выступала в строгом черном платье, пела про Россию, кажется, это:

Ни пути, ни следа по равнинам,
По равнинам безбрежных снегов.
Не добраться к родимым святыням,
Не услышать родных голосов...

Вот только она и запомнилась, видимо, просто не могла не запомниться великая певица! Я спел несколько русских романсов. И никаких подарков мне ни Черчилль, ни кто другой не дарил — все это чушь собачья!

О популярности песен Козина во время войны рассказывала мне моя мама:

Я служила на военном аэродроме, нас часто передислоцировали. Патефон, пластинки — вещи довольно хрупкие, неудобные для перевозки в военных самолетах, но летчики как-то ухитрялись захватить их с собой. И на каждом новом месте дислокации, с самого начала развертывания аэродрома, вдруг звучало: «Осень... Прозрачное утро» или «Давай пожмем друг другу руки...» И мы считали: «Ура, мы дома». Девчонки, что служили на аэродроме, переписывали песни Козина в заветные альбомчики, знали их наизусть, постоянно напевали, да и наши асы не отставали. У меня вот в книжечке моей записной песни Козина записаны рядом с запрещенным тогда Есениным...

Как-то я решил устроить маме сюрприз. Пересказал Вадиму Алексеевичу мамыны фронтовые воспоминания и попросил подписать фотографию, где он снят с народным артистом СССР Б. Штоколовым и народным артистом РСФСР А. Михайловым. Вадим Алексеевич тут же написал: «Дорогой Александре Георгиевне Мазуренко с уважением В. Козин». Я отправил письмо. Мама, а она живет и работает в Москве, звонит через неделю: «Спасибо, конечно, но ты хоть бы предупредил, а то знаешь — не ровен час! Я на работе похвасталась, так, знаешь, многие удивились: неужели Козин еще жив?»

Вот ведь судьба! Популярнейший, если не самый популярный, артист живет и здравствует, а бывшие его поклонники удивляются этому факту. И это во времена гласности, когда о Козине появились наконец публикации в центральной прессе, прошли передачи по Всесоюзному радио и Центральному телевидению.

Поневоле вспомнишь Ильфа и Петрова: «Да, Россия — удивительная страна!»

А разве не удивительно внезапное исчезновение не только самого певца, но и его пластинок, а в конечном итоге — и песен? Это событие можно довольно точно датировать — вторая половина 1944 года.

* * *

Конечно, люди у нас в стране тогда исчезали. Сотнями, тысячами, миллионами. Исчезали великие ученые, артисты, писатели, поэты. Исчез — значит, арестован, «враг народа». Формула, в своей примитивности доведенная до абсолюта, — до идиотского, скажем прямо, абсолюта.

Разумеется, и Козин был арестован. За что? Риторический вопрос! Ведь известен же постулат: «Был бы человек, а статья найдется!» И вообще все, что тогда происходило, вряд ли объяснимо с точки зрения не только элементарной логики, но и просто здравого смысла.

Поэтому вопрос: за что посадили Козина? — мы будем рассматривать только в связи с легендами. Вносить же в него «ясность» — не моя задача. Официально это выглядело так: решение Особого совещания НКВД, «основанное» на совокупности статей, из которых главная — пресловутая «пятьдесят восьмая», срок — восемь лет. Детский срок по тем временам, означающий (сегодня это очевидно), что человек вообще ни в чем не провинился!

Итак, за что?

Легенда номер один. В Хабаровске якобы формировался польский корпус. Командование пригласило Козина дать несколько концертов в частях перед отправкой легионеров на фронт. Певец якобы хотел воспользоваться этим, чтобы каким-то образом вместе с поляками перейти на сторону врага. Абсурд? А то, что маршал Тухачевский «немецкий шпион», не абсурд?

Легенда номер два. Перед началом войны знаменитый певец Вадим Козин познакомился со знаменитой летчицей Мариной Расковой, своей поклонницей. Дружили, довольно часто встречались. Неожиданно выяснилось, что на знаменитую летчицу «положил глаз» Лаврентий Павлович Берия. Соперника было решено устранить. Похоже на правду? Похоже...

Легенда номер три. Когда Козину в спешном порядке было велено лететь в Тегеран, певец поставил условие — вывезти его семью, мать и сестер из блокадного Ленинграда. Кандидат в члены Политбюро, первый секретарь МГК ВКП(б) Щербаков пообещал выслать за родственниками певца личный самолет. И надо же было такому случиться, что именно в этот день в дом, где жили Козины, попала бомба. Мать и одна из сестер погибли. (Еще одна версия — умерли с голоду.) Козин, узнав об этом, крепко отmaterил вождя, а заодно и все советское правительство. Такие вещи вожди не прощают... Эта версия, на мой взгляд, еще более похожа на правду.

И, наконец, легенда, рассказанная самим Вадимом Алексеевичем, в которую он сам свято верит, но, еще раз подчеркну, это — легенда:

— Вызывает меня Берия, он тогда в Гранатном переулке, в особняке жил. Адрес, известный мне, ведь там и Дом звукозаписи расположен. И вот ведь что обидно, я сам туда пришел! Приглашают в кабинет, а там еще и Щербаков сидит, мрачный такой, опухший, точь-в-точь, как тогда Черчилля в «Крокодиле» рисовали. На самом-то деле Черчилль совсем не такой был, я-то его, вот как вас сейчас, видел...

На стене кабинета картина — «Утро нашей Родины». Сталин в белом кителе и все такое прочее. Берия поздоровался, этак ехидно-ласково, порасспросил о жите-бытье, завел вдруг разговор о репертуаре. В частности, спросил: «А что ты по праздникам поешь?» А что мне было рассказывать? Я в политику никогда не вмешивался, а из «юбилейных» была у меня всего одна песня, она меня всегда выручала. Слова ее написал мой родственник поэт Придворов, известный под псевдонимом Демьян Бедный. Я ее и сейчас помню:

Был денькак день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу...

Это песня про Ленина, там в конце поется;

Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... Ленин родился!

Я им эту песню и напел прямо в кабинете. «А еще?» — спросил Берия. «Все, больше ничего нет», — отвечаю. «Ну, знаешь ли! Тебе надо что-то подготовить для него. — И указывает на картину. — Ты знаешь, он тебя любит, ему это будет приятно!» — «Я лирический певец, — отвечаю, — и ничего больше разучивать и петь не буду!» — «Не будешь?» — ехидно усмехнулся Берия. «Не буду», — почему-то с удовольствием ответил я. «Не бу-у-дешь», — удивился Щербаков. «Не бу-у-ду!!» — откровенно передразнил его я. Черт попутал передразнить! «Ну ладно, иди, — говорит Берия. — Будем считать, что разговор состоялся». А Щербаков и головы не поднял, только шея у него побурела...

Вот и все, что было, вот вам крест святой! Не простили мне вожди тона, который я себе с ними позволил. Щербаков не простил, что передразнил я его. А что для них человек, хоть бы и известный? Щепотка лагерной пыли и больше ничего...

После этого был у меня всего один концерт, и вот ведь ирония судьбы — в этом зловещем, проклятом НКВД! Запомнилось, что какой-то высокий чин все со мной чокнуться норовил и говорил со значением: «За ваше здоровье!» Остроумный был дядя, ничего не скажешь! А может, предупредить хотел, я ведь ни сном, ни духом не ведал, что со мной будет...

Ну, а потом арест, Лубянка, этапы, пересылки, Магадан. Об этом я рассказывать не буду, читайте художественную литературу, там все описано. А я все это забыл! Было? Было! А как — не помню, не желаю помнить и тем более вспоминать. Хотите писать — сами что-нибудь придумайте. Я — разрешаю. Все!

Все профессиональные способы «разговорить» собеседника бессильны, когда он хранит молчание. Поэтому в дальнейшем повествовании будет немного личных воспоминаний Козина. Будут свидетельства очевидцев, письма, документы, мои комментарии, догадки, цитаты из малоизвестных публикаций. Что же касается причины ареста Вадима Козина, то я изложил четыре версии-легенды и право читателя — подвергать их сомнению или принимать на веру... Я же лично, напроць отменяя легенду номер один, полагаю, что истинная причина расправы в переплетении трех остальных. Если она вообще была, причина. В том смысле, в каком мы, нормальные люди, привыкли понимать значение этого слова. Не забывайте, страной тогда правили нелюди...

...С группой польских кинематографистов на двух узиках мы пробиваемся сквозь сентябрьскую пургу к местам, где предположительно захоронены останки репрессированных поляков. Путешествие по Колымской трассе в пургу, и тем более в первую сентябрьскую пургу, когда полотно дороги покрыто «мылом», а там и здесь по обочинам в самых невероятных позах застыли «МАЗы», «КамАЗы», «Татры» и другие машины, когда над трассой висит густой шоферский мат, достойно отдельного описания. Мои польские коллеги, люди достаточно опытные и искушенные, притихли. Впереди нас ждали переход в связке по чуть прихваченным льдом ручьям, бросок сквозь заросли кедрового стланика, занесенные полуметровым слоем снега.

И вот мы у цели. Небольшой покосившийся столбик с прибитой на нем ржавой жестяной, на ней — какие-то номера. Предположительно здесь захоронены поляки, так как найдены несколько польских монеток, медальон и другие мелочи. Берем ломы, лопаты и начинаем долбить мерзлоту. Долго рыть не пришлось, буквально на полуметровой глубине из мерзлоты выступила кость... Потом череп...

Не буду описывать дальнейшее, скажу только, что захоронение оказалось братским. Скорее всего это был разведочный шурф, битком набитый человеческими останками... Отдам должное профессионализму польских кинематографистов. Едва оправившись от шока, они начали снимать, а я вот только сейчас, спустя два года, могу писать об этом. Ведь вскрытый нами шурф — не единственный на Колыме...

Старатели отказались мыть золото на одном из участков — в породе попадались человеческие кости, а в колодце, где оседает драгоценный металл, вместе с золотыми крупинками оставались свинцовые пули...

Я не пугаю читателя. Просто хочу попытаться погрузиться сам в тот пласт времени, в ту обстановку, в которой оказалась моя герой. Колымские лагеря, казалось бы, достаточно описаны в художественной литературе. Но — только в художественной!

Врач из Ленинграда Валентина Горохова попала на Колыму не по этапу, а как вольнонаемная. Она отправилась на Северо-Восток в научную экспедицию вместе с мужем-геодезистом. Вот ее рассказ:

В декабре 1938 года караван судов вышел из Владивостока курсом на Магадан. Экспедиция продолжалась тридцать девять суток. Приходилось пробиваться сквозь ледяные поля Охотского моря. Командование каждый день докладывало о ходе рейса лично Сталину. Вспоминается трагикомическая ситуация. Флагманский корабль носил имя Николая Ежова, и как раз во время экспедиции выяснилось, что «железный нарком» не кто иной, как «враг народа»! Что делать? Начальство нашло выход — наш флагман был срочно переименован в «Феликса Дзержинского».

Я устроилась работать врачом на прииске «Чай-Урья». Условия жизни заключенных там были чудовищными, я не могу подобрать другого слова. На прииске работали свыше четырех с половиной тысяч заключенных, в основном по 58-й статье. Не было умывальников, постельных принадлежностей, одеял. Люди спали вповалку, не снимая верхней одежды, — если можно было назвать эти лохмотья одеждой, — обуви. В бане не мылись месяцами — это на горных-то работах! На полах и стенах палаток — лед. Уборные — одно «очко» на двести человек...

Я, молодой врач из Ленинграда, просто-напросто поначалу впала в прострацию от всего увиденного. Однако надо было работать, спасать людей от неминуемой смерти. Для амбулатории мне выделили пятиметровую ситцевую палатку, где температура зимой не поднималась выше минус двенадцати градусов. Даже медикаменты замерзали! Число больных доходило до восьмисот человек. Мои требования к начальнику прииска об улучшении содержания заключенных вызвали угрозы арестовать и отдать под суд за саботаж. И это меня-то, вольнонаемного работника. О каких же правах для заключенных могла тогда идти речь?! На зеков смотрели хуже чем на скот. Мне запомнился разговор с начальником прииска. Я спросила его, почему на Колыму не завезли коров, было бы молоко. Он, не моргнув глазом, ответил: «Какие коровы? Здесь нет ни подходящих помещений, ни корма!» Про людей я, естественно, спрашивать не стала...

Заключенные проводили в забое по 12-14 часов, терпя издевательства, унижения и побои. А на обед им давали воду, заправленную ржаной мукой. Во время войны мы, ленинградские блокадники, называли это пойло «тяжелой водой». Поглощали его заключенные на ходу. Ни столов, ни скамеек им не полагалось.

Дистрофия, пеллагра, цинга, в конечном итоге необратимый распад белка и — смерть, жуткая, страшная, когда жертва теряет человеческий облик...

Чуть легче бывало летом — ягоды, грибы, отвар из хвои стланика ставили на ноги некоторых «доходяг». Но и тут без мерзости со стороны лагерного начальства не обходилось. Однажды, помню, собрали заключенные целую бочку брусники для цинготных больных. Так молодые сытые «вертухай», глумясь, отобрали ягоду...

Когда три года тому назад по Магаданскому областному радио впервые прозвучали позывные программы «Мемориал», мы, ее авторы, просто не могли предположить, какой широкий отклик получит она. У меня скопились сотни скорбных свидетельств, позволяющих наглядно представить себе масштабы массового террора, его всеохватность. Боже, за что, за какие грехи выпало нашему народу такое?..

Я приведу здесь только одно письмо. Его автор — магаданский шофер Ф.Кульчицкий.

Мой отец от раскулачивания (кулак — две коровы и лошадь!) подался в Донбасс, на шахты, — вспоминает ветеран. — Был он неграмотным, но обладал феноменальной физической силой, и работа нашлась. По доносу был арестован, судим и с 58-й «в кармане» оказался здесь, в смертном лагере, на руднике Бутугычаг. Спасла отца, опять же, огромная физическая сила. Отработав 14 часов в забое, он шел помогать вытаскивать из барачных трупы замерзших. Ведь было как? Утром при разводе на работу кто-то не вставал с нар. Его не трогали. Если он не поднимался до конца смены, его считали умершим и выносили из барака. Чтобы убедиться, умер ли человек, надзиратель протыкал его грудь специальной пикой, причем протыкал трижды. Из некоторых барачных, вспоминал отец, ему приходилось выносить по тридцать человек за раз. Трупы не хоронили, складывали до весны тут же, у входа в барак, штабелем. За эту работу отец, неграмотный «шпион» десятка иностранных государств, получал дополнительную пайку — кусок мерзлого хлеба. Именно поэтому и выжил, он в этом свято уверен. Может быть, где-то заключенных и расстреливали, но не на Бутугычаге, там они просто замерзали...

Вадим Алексеевич Козин в таких лагерях не сидел, но он бывал в них, видел все это, жил, наконец, в этой атмосфере.

Этапировали его до «столицы Колымского края» долго, местному начальству лестно было хоть на недельку заполучить знаменитого певца в свою «епархию». Долго не отправляли Вадима Алексеевича и из Владивостока, Находки, даже в Ванинском порту тормознули. И везде, надо полагать, «создавали условия», уж кормили нормально во всяком случае, должно быть, и охраняли соответственно. Ведь голодный, перепуганный артист не смог бы петь, а то и вообще голоса лишился бы.

Потребовалось вмешательство генерала Никишова, чтобы приморское начальство отправило наконец певца в конечный пункт назначения. Вадим Алексеевич был посажен на пароход «Советская Латвия», ему были выделены сопровождающий, отдельная каюта, в виде особой милости оставлена одежда и, сверх того, разрешено взять с собой два чемодана личных вещей. Что ж, сердце не камень даже у гулаговского начальства!

Да и в бухте Нагаева именитого заключенного встречали не так, как обыкновенных этапников. Персонально за ним была выслана легковая машина. Понятно, что за всеми этими привилегиями стоял (или витал?) ангел-хранитель.

«Ангелом-хранителем» на этот раз явилась жена всемогущего Никишова, депутат Магаданского горсовета Александра Романовна Гридасова. Личность в истории Колымы известная, натура яркая и неординарная. Бывшая надзирательница, потом комсомольский работник, выйдя замуж за начальника Дальстроя, сделала головокружительную карьеру. Про нее рассказывают разное.

На выходе из бухты Нагаева есть мыс Чирикова — благословенное место для охоты и рыбалки. Представьте, здесь мне однажды удалось одновременно увидеть медведя и кита! И это в 1987 году, что же здесь было в сороковые! Так вот, смотрителем этих угодий, неофициальным, разумеется, уже не один десяток лет является бич Жора. Живет в утепленной землянке, питается дарами моря и тайги, подрабатывает на перевозе с кораблей на берег охотников и рыбаков, причем такса — исключительно бутылка. Так вот, этот самый Жора пережил многих начальников, но самые страшные воспоминания у него сохранились именно об Александре Романовне:

— Что ты! Генеральша, жуткое дело. В форме ходила, на боку — пистолет. Шлепнуть могла за милую душу! За что? Да просто так! А красивая, сучка, была...

— Жора, а что, сам Никишов шлепнуть не мог?

— Что ты! Никишов не мог... Гаранин, тот мог! Но он же мужик! А Гридасова — баба! Красивая, а шлепнуть могла запросто. Гад буду, не вру, век свободы не видать!

Писательница Евгения Гинзбург рассказывает о Гридасовой другое. Когда Евгения Семеновна освободилась, то стала хлопотать о вызове в Магадан своего сына, будущего известного писателя Василия Аксенова, тогда подростка, воспитывавшегося у родственников. Естественно, ей было отказано. И тогда от отчаяния Евгения Семеновна решилась на невероятный поступок — силой прорвалась в кабинет всемогущей Гридасовой.

Позднее мне стало ясно, чем я рисковала, — пишет Е. С. Гинзбург. — Ведь королева могла не только миловать, но и казнить. Все зависело от момента, от настроения, от того, что сказала сегодня утром королеве ее заветное зеркальце. Она ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

Что я выкрикивала сквозь рыдания, какие слова рвались из меня навстречу королевину удивленному взгляду? Точно не помню... Я несомненно была в тот момент, что называется, в состоянии аффекта, но где-то подсудно шла во мне работа сознания. Я именно сознательно отобрала сейчас те слова, которые могли оказать воздействие на любительницу чувствительных кинофильмов, бывшую надзирательницу Шурочку Гридасову...

Ее бездумное красивое личико принимало все более растроганное выражение, и наконец нежный голосок прервал меня. Он прозвучал, нет, прожурчал прямо над моей головой:

— Успокойтесь, милая! Ваш мальчик будет с вами...

И пятнадцатилетний Василий Аксенов прибыл в Магадан к матери, и окончил, кстати, вместе с будущим поэтом Сергеем Наровчатовым, первую магаданскую школу. В этой школе есть доска, на которой золотыми буквами высечены имена и фамилии знаменитых выпускников. Была там и фамилия Аксенова. Была до тех пор, пока писатель не был вынужден эмигрировать...

Спасла Гридасова от смерти и будущих народных артистов СССР Л. Варпаховского, Г. Жженова, Ю. Кольцова-Розенштрауха, народного художника СССР В. Шухаева и многих, многих других.

Козин попал в Магадан накануне очередной октябрьской годовщины, и Гридасова решила преподнести сюрприз местной элите, включив выступление певца в праздничный концерт. Это свое первое выступление в Магадане маэстро помнит.

— Встретили меня в Магадане хорошо, машину прислали. В лагере дали возможность помыться с дороги,

переодеться, — благо «вольные» вещи оставили, в том числе и концертный костюм, — привести себя в порядок. А потом снова на машину — ив театр! Помню, удивился я очень, что в Магадане есть театр. Он, правда, назывался Домом культуры, но по сути был настоящим театром, он и строился как театр. А там уже концерт идет, мне говорят: будете выступать во втором отделении. Выступать так выступать, дело, как говорится, привычное. У меня к тому времени уж и репертуар специально для лагерного начальства сложился. На всех пересылках приходилось петь, вкусы его изучил. Меня только аккомпанемент интересовал, но тут нескольких слов хватило. В оркестре были настоящие профессионалы, могли подыграть и вообще, как мы говорим, сыграть с листа. Ну, вышел я на сцену, такой удивленный ропот по залу прошел, и — тишина. Выдержал я паузу, дли-и-инную кстати, и запел:

Ночь светла,
Над рекой тихо светит луна,
И блестит серебром голубая волна...

Аплодисменты были бурные, как, впрочем, и везде...

Маэстро скромничает. Надо видеть этот смущенный, потупленный взор! По свидетельству магаданских старожилов, а мне удалось в разное время разговаривать с пятью очевидцами, певца ожидал настоящий триумф, во многом определивший его дальнейшую судьбу. Ведь в зале сидел весь «цвет» Дальстроя. Все видели, слышали живого Козина, и не так-то просто теперь стало превратить знаменитого певца в лагерную пыль. А попытки были...

Вот пример. Добротное пальто Козина с красивым шалевым воротником так понравилось Гридасовой, что она точно такое же заказала для мужа. И каково же было удивление всесильного Никишова, когда он увидел в толпе заключенных человека в «своем» пальто! Генерал опешил... Козина спасло чудо.

Еще одна такая же история. Праздничные концерты в театре ставил Л. Варпаховский, ученик В. Мейерхольтца. Ставил с размахом. На этот раз мероприятие было закрытым, только для верхушки. Поднялся занавес. На сцене рояль и ансамбль буквально утопали в цветах, а посередине моря цветов стоял, облокотясь на рояль, Вадим Козин. Ни дать ни взять, антураж для сувенирной открытки! Публика, а ее невзыскательный вкус вполне учел постановщик, поначалу просто остолбенела. Потом — шквал аплодисментов и роковой возглас: «Козину ура!» И тут из ложи прогремел разъяренный голос Никишова: «Кто крикнул "Ура!"? Вы кому кричите "Ура!", мать вашу?! "Ура!" можно кричать только правительству! Убрать дурака из зала! Судить будем! А ты вон со сцены!»

Ну что мог испытывать певец в этот момент? Вадим Алексеевич об этом, естественно, «не помнит».

— Они ко мне хорошо относились — и Гридасова, и Никишов, хотя и мало мы с ними общались, — рассказывает Козин. — Всего несколько раз я перед ними выступал, в узкой, так сказать, компании. Он мрачный такой всегда был, лицо красное, выпить любил, ну и матерился ужасно. Я в лагере всякого наслушался, но от генерала на каждом слове мат слышать — это, знаете... А Александра Романовна, наоборот, была веселая, на «вы» ко мне обращалась, по имени и отчеству.

И на этот раз спасла Гридасова Козина от мужнего гнева, упрятав его на месяц в сангородок. Никишов, как и положено генералу, был строг, но отходчив, разрешил милостиво певцу петь... Да и режим лагерный послевоенный не сравнить, конечно, с 1937-1938 годами. Заключенные артисты, в общем-то, только ночевать были обязаны в зоне. Правда, по городу ходили под конвоем, но это скорее была охранительная мера — шла знаменитая «сучья война». В лагерях творился блатной беспредел: «суки» резали «воров», «воры» — «сук». Эта война описана Варламом Шаламовым, и мне остается только отослать читателя к колымским рассказам и очеркам этого писателя.

Пел Козин в крепостном театре — в прямом смысле этих слов. Гридасова захотела иметь «свой» театр. Строили его заключенные, играли в нем заключенные, но подарил театр Александре Романовне «сам». Тут уж она развернулась! Был брошен клич: артистов, художников, музыкантов от «общих работ» освободить, направить в Магадан! Вот приказ 47 по магаданскому Дому культуры от 17 марта 1945 года: «Имеется в наличии штата ряд вакансий, которые замещаются из числа з/к по состоянию на 1 марта 1945 года в связи с отсутствием вольнонаемного состава. 1. Считать замещенными следующие должности по существующему тарифу: а) административно-художественный персонал. Режиссер-постановщик: з/к Варпаховский Л. В., з/к Никаноров К. А. Артисты: заключенные Демич, Смирнов, Рытьков, Жженов, Ногаев, Воронцова, Мухина, Турышева, Яковлев, Тутватуллин, Грызлов, Волков, Бибики, Артамонов, Зискинд, Грязнова, Будак, Пешков. Художник-декоратор: Шушаев, Вегенер...» Впечатляющий документ, не правда ли?

Л. Варпаховский, строго говоря, был художественным руководителем агиткультбригады, в которую входил контингент заключенных. Бригада в промывочный сезон (не менее трех месяцев) обслуживала рудники и прииски, все остальное время артисты-зэки работали в театре. Ставились как драматические, так и музыкальные спектакли, но особой популярностью у зрителей пользовались концерты, в которых, как правило, все второе отделение занимал Козин. Любовь публики спасала его. Даже творчество не приносило удовлетворения. Маэстро в этот период почти не писал собственных песен, репертуар его был скуден. Несколько шлягеров да неубиенные советские песни. Козин переживал депрессию, значительный спад творческой активности. Это его состояние, конечно, легко объяснить в наши дни, а каково ему приходилось тогда? Было от чего впасть в отчаяние, было на кого и обидеться, если не возненавидеть. Магаданские ветераны отмечают резкий, неуживчивый характер певца, его капризность, неприятие мнений, не совпадающих с его оценками, подчас далеко не справедливыми.

И еще одна, самая главная драма Козина, глубоко личная. Он почувствовал, что меняется голос. Колымский климат не пощадил артиста. Слава Всевышнему, голос остался. Изменился, но не пропал на семидесятиградусном морозе, не ушел навеки в вечную мерзлоту. Постепенно произошла и адаптация к новым

условиям жизни. Могучий творческий потенциал требовал выхода, воплощения. И у певца как бы открывается второе дыхание. К тому же «за хорошую работу и примерное поведение» в сентябре 1950 года заключенный Козин был досрочно освобожден.

Разговорились мы с Вадимом Алексеевичем о вере в Бога. Детство вспомнил, как крестилась перед каждым выходом на сцену Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР Надежда Андреевна Обухова, еще несколько случаев, связанных с актерскими суевериями, и вдруг изрек совершенно серьезно:

— Уж конечно, какие мы христиане? А ведь если вдуматься, в основе всей христианской культуры лежит отношение к личности как к высшей ценности.

Ведь один страдал и был распят во имя всех, искупая грехи несовершенного мира. А у нас — бесконечная говорильня: «Все на благо человека, все во имя человека, социализм с человеческим лицом, человеческий фактор». Противно слушать! Когда же мы снова научимся понимать, что каждая отдельная судьба — символ исторического дня, а если хотите, в «обратной проекции» и общая картина мира!

Вот вам резюме! Разрушенную экономику, наверное, можно подправить как-нибудь, а вот что делать с подорванным духовным здоровьем нации, с выветриванием нравственных критериев, с деградирующей культурой? Катаклизмы истории, крутые политические реформации дорого обходятся народам.

Сколько сил нужно одному человеку, чтобы такое вынести. Вадим Алексеевич Козин вынес, выдержал, выдюжил. И — простил. У меня тоже есть кое-какие счеты. И я тоже в свои сорок семь лет успел кое-что кое-кому простить, как, наверное, и меня простили. Но я ничего не забыл и не забуду. А вот Вадим Алексеевич не только простил, но и забыл. Помните — «Забыть Герострата!»? Не удалось выполнить этот жестокий приговор, Герострат не был забыт. А вот Вадим Козин вершит свой собственный суд над страшной эпохой и выносит ей самый суровый приговор: он забывает ее! Слово — маэстро:

— Зла ни на кого не держу, ни на кого. Время такое было, я понимаю. А понять — значит простить, не мною сказано, но я теперь думаю точно так же. Не помню, не хочу помнить ничего злого и никого злого. Не желаю помнить и не помню. Помню добро, хочу и буду помнить добро! А моя совесть чиста. И перед страной, и перед народом, и, что самое главное, — перед самим собой.

(Хотел бы я на закате жизни повторить эти слова...)

* * *

— А вы знаете, — своим обычным присловьем начинает Вадим Алексеевич очередной разговор, — я поверил, что пучку конец, когда увидел по телевизору Ростроповича. Мы ведь знакомы, он был в Магадане в 1973-м...

Да, я прекрасно помню лето 1973-го, когда у нас в Магадане был Ростропович. Как он сам объяснил, его не пускали на гастроли в Америку, прежде чем он не «обслужит» Колыму и Чукотку. «Уеду в Америку, если здесь не тормознут», — шутил маэстро. И после Магадана, где его так слушали, что даже выдворили из зала фотокорреспондента, потому что слишком громко щелкал его «Салют», отправился на Чукотку. В поселке Провидения в дождливо-снежный вечер в полуразвалившийся клуб пришли на концерт всего восемь человек. И Ростропович сказал нам: «Друзья, берите стулья и садитесь рядом со мной, я вам поиграю». И он играл нам. Два часа мы слушали вечную музыку в исполнении великого виолончелиста...

И вот он в Москве, на баррикадах возле Белого дома.

Вадим Алексеевич продолжает:

— И вот когда я увидел Ростроповича, понял: на него танки не пойдут, автоматы не направят. Не поднимется рука ни у кого, великий талант и великая, всемирная слава оберегут его! А баррикады я впервые в жизни увидел, ведь в 1917-м в Петрограде баррикад не было...

— А вы помните 1917-й? — вопрос у меня выскочил сам собой.

— Конечно, помню! Но ведь ничего особенного не было. Даже и стрельбы почти что не было. Вот матросов помню! Брюки клеш и пулеметные ленты на груди. Да ведь я вам говорил, что моряком хотел стать. Тут и костюмчик матросский, и революционные матросы, и романтика морская, флибустьерская. У меня много морских песен, как-нибудь спою...

А насчет перемены власти, так что мне вспоминать? Как национализировали дедушкин дом и как нас «уплотняли»? Это неинтересно! Как голодали? Голод, конечно, был ужасный. И холод. Вот это помню — холод и голод.

Вообще же насчет власти у меня есть определенное мнение — певцы нужны любой власти. Я в политику никогда не совался, хотя мне, конечно, не безразлично, кто у власти. Я в принципе за демократию, хотя тот же Черчилль говорил, что демократия - не самая лучшая политика. Но я за демократию без анархии, без говорильни, а у нас пока без говорильни не получается!

Господи! Ведь настоящая демократия, настоящая свобода - это прекрасно! Свобода слова, да я об этом и не мечтал! Ведь на каждую песню печать ставили, на каждую! И кто-то "мудрый" разрешал. Или не разрешал! "Низзя!" - и все, и никаких гвоздей! "Ташить и не пуцать!" - вот такой был закон. Я-то помню...

Как же можно запрещать искусство, запрещать петь? Да ведь и не смогли запретить. И в лагерях заключенные пели, и как пели! Не только, кстати, блатные песни. А как слушали! Да вот я вам письмо покажу от заключенного, вот он пишет, видите: "Когда вы запели песню на слова Есенина "Ты жива еще, моя старушка", я заплакал, сидел и плакал. Да, я, "вор в законе", плакал и не стесняюсь об этом писать".

И если уж совершенно серьезно говорить, по большому счету, - я счастлив, что дожил до настоящей свободы. Хотя и опасения есть, что опять обманут, уж больно у нынешних демократов методы большевистские...

В 1979 году довелось мне отдохнуть в Баку, в одном из санаториев. Тогда это была столица одной из союзных республик, город двадцати шести бакинских комиссаров, город Кирова, Есенина. С гордостью показывал экскурсовод и "домик Брежнева"... И каково же было мое удивление, когда на одной из улиц из

раскрытого окна я услышал голос Вадима Козина. Не выдержал, спросил у хозяина квартиры: "Откуда запись?" - "О, это - редкая запись. "Песни магаданских кабаков" называется. Большие деньги отдал", - гордо ответил мне молодой бакинец. На этой же пленке были записи Шуфутинского, Токарева, Петра Лещенко. Все они, по утверждению хозяина, пели в "магаданских кабаках". Я же свидетельствую, что в магаданских ресторанах пел только Шуфутинский.

В моих руках - пластинка американской фирмы "Кисмет". У Вадима Алексеевича имеются два таких диска, по слухам, вышел уже и третий. Тот, который у меня, называется "Последний концерт Вадима Козина". Это "произведение" - плод воровства и вранья, и только голос певца там настоящий. Как и кем она записана, Вадим Алексеевич не знает, но предполагает, что запись была осуществлена пиратским способом на одном из концертов в конце пятидесятих годов. Дирижер народный артист РСФСР А. Михайлов рассказывал мне, что во время гастролей в США неоднократно слышал песни Козина, а когда поинтересовался, откуда они, ему объяснили, что некий эмигрант из Советского Союза (кстати, даже одно время работавший в оркестре А. Михайлова) вывез из нашей страны «чемодан записей». Вполне возможно, что фирма «Кисмет» прибегла к услугам контрабандистов. Недоумение вызывает и текст аннотации:

«На советской довоенной эстраде рядом с именем Вадима Козина трудно поставить равноценного исполнителя по славе, по популярности и по количеству пластинок, расхोдившихся по стране огромными тиражами. Казалось, слава его легендарной бабки — Вари Паниной — возродилась в нем.

Его необычайной красоты цыганский голос сводил с ума всех, кто его слышал, — женщин, мужчин... Афиши, аншлаги, овации — вот мир, в котором он жил, создавая все новые и новые прекрасные песни, чтобы щедро дарить их с эстрады своим восхищенным слушателям и поклонникам.

Но вот перед самой войной все это внезапно оборвалось, а сам он исчез, чтобы вынырнуть уже совсем перед другой аудиторией — зеками, перед которыми лишь иногда в виде особой награды как для исполнителя, так и для слушателей ему было разрешено исполнять всего лишь две песни, а третью — только на бис.

Так, проведя свыше пятнадцати лет в лагерях Магадана и освободившись после смерти Сталина, Козин получает разрешение на серию концертов в Закавказье и на Черноморском побережье. А потом — пожалуй еще назад, в Магадан, на вечное поселение...»

Тут достоверны только сведения о сверхпопулярности Козина, все остальное — натяжки и, мягко говоря, фантазии безымянных авторов аннотации. Так воровство повлекло за собой ложь, один грех породил другой. А в результате ограбленным и оболганным оказался одинокий старик. Интересно, как это сочетается с пониманием прав человека? Уж больно в США нас критикуют в этом вопросе...

Впрочем, не намного порядочнее поступила и наша «Мелодия», практически без согласия Козина выпустившая три его пластинки. Репертуар пластинок если не сомнителен, то, во всяком случае, серьезной критики достоин. Опущены, а точнее — упущены целые пласты творчества Козина, многие песни имеют лучшие варианты записи. Я не знаю, с кем именно из редакторов «Мелодии» разговаривал Вадим Алексеевич по телефону, но я хорошо слышал, как некто от имени фирмы орал на престарелого артиста, провоцируя того на вспышку гнева, которая и воследовала. У Вадима Алексеевича, как говорится, не заржавеет. Он выдал фирмачам все, что они, по его мнению, заслужили...

А ведь многие записи еще можно спасти. Я свидетельствую: в Магаданском телерадиокомитете хранится уникальная коллекция записей Вадима Алексеевича Козина.

Сегодня многие певцы пытаются — «в стиле ретро» — исполнять репертуар Вадима Козина. Уважаемые исполнители, напишите патриарху, испросите разрешения, попросите совета. Адрес предельно прост: Магадан, Вадиму Козину. Ей-Богу, ваше письмо дойдет до адресата и доставит удовольствие старому артисту. А главное, ваша совесть будет чиста!

Именно так, кстати, и поступают многие мастера, посещающие Магадан. Я расскажу только об одном визите.

Август 1987 года. В Магадане — Всесоюзный фестиваль искусств: «Утро Родины». Как говорили местные меломаны, «все музы в гости к нам». И вот народный артист СССР Борис Штоколов и народный артист РСФСР, руководитель эстрадно-симфонического оркестра Гостелерадио Александр Михайлов выкроили время и навестили Вадима Козина. Я присутствовал при этой встрече. Слово — Борису Штоколову:

— Я четвертый раз в Магадане и всегда захожу к Вадиму Алексеевичу. Поговорить, поприветствовать корифея, спросить у него совета — ведь всем нам у него надо учиться и учиться! А выступления в вашем городе я всегда начинаю с козинской «Осени», она всегда имеет успех. Я долго думал, как спою этот романс. Ведь у меня — бас, а в восприятии публики «Осень» звучит только в теноровом исполнении. Но Вадим Алексеевич мне не только разрешил петь его вещь, но и помог, подсказал, как ее исполнить. Вы слышали реакцию зрителей... А сейчас я готовлю песенку «Я люблю вас так безумно». Вадим Алексеевич, а правда, что эту песню еще ваша мама пела?

— По семейному преданию, не только пела, но и музыку сочинила! — отвечает Козин. — И вообще, если бы отец ей петь не запретил в хоре, она бы далеко пошла. Смотрите, какая она была красивая. — И маэстро снимает со стены старинную фотографию, где запечатлена действительно очень красивая светловолосая женщина. — Одно из самых ярких воспоминаний детства — когда мама брала гитару и начинала петь... Но воля мужа для цыганки закон, к тому же дети пошли. Мама очень многим мне в моем становлении помогла, в выборе репертуара тоже...

— Вадим Алексеевич, а вот вы в прошлый раз меня за «Коробейников» упрекали. Но за что, я не совсем вас понял, — спросил Борис Штоколов.

— Так вы там с текстом напутали! Ведь эти стихи, между прочим, Некрасов сочинил, классик. Я тоже иногда в стихи вмешиваюсь, но я никогда не нарушаю смысла. А вы куплеты переставили, и непонятно, что же там у них произошло. А у них, и в этом смысл стиха и этой песни, произошла любовь! А не только он ей бирюзовый перстенок продал. Понятно?

— Понятно! Вадим Алексеевич, а у меня смешной случай произошел. Вот здесь, во Дворце культуры профсоюзов, я выступал. Объявляют первый номер — «Выхожу один я на дорогу». Поднимается занавес, а на сцене два мужика рояль выкатывают. Ну, публика в хохот. А я разозлился, чуть от выступления не

отказался...

— Но это же действительно смешно, Борис Тимофеевич! — Козин утирает слезы. — И как же вышли из этого щекотливого положения?

— А я «Осень» спел!

— Ну и молодец, правильно сделали!

В разговор вступает Александр Михайлов:

— А вот у меня в последнее время что-то маловато веселых ситуаций. «Металл», «андеграунд» заполнили эфир. Лучшие из серьезных молодых композиторов с огромным трудом продираются сквозь засилье всяких низкопробных групп, сквозь кампании зачастую просто бессмысленных экспериментов с додекафонией. Эти эксперименты уже на моей памяти продолжаются полвека и, по моему глубокому убеждению, не ведут никуда. Какое-то всеобщее оболванивание! Просто жутко де лается, когда видишь толпу фанатов. Подростки так и спрашивают друг друга: «Ты на ком фанатеешь?» Не музыка, а какой-то музыкальный наркотик!

— Об этом можно и нужно говорить, — заметил хозяин, — но сейчас давайте не будем! У меня сегодня праздник — такие гости! Давайте петь! — И маэстро крутнулся на своей табуреточке к инструменту, воздел руки — и... «Осень»!

Ну где еще услышишь такое — Штоколов поет «Осень», Козин аккомпанирует! У Вадима Алексеевича взыграло ретивое, поучил он таки петь народного артиста Штоколова. Но и у Бориса Тимофеевича ретивое взыграло. Сдерживая свой могучий бас, он затыкнул «Очи черные». Козин, естественно, подхватил... И пошло! Этакая певческая дуэль. До трех часов ночи из «кельи» поочередно доносились то могучий густой бас, то нежнейший жемчужный тенор, а иногда, и это было особенно красиво, эти голоса сливались в неповторимом дуэте. Я сам себе завидовал. Но ждал очередного козинского сюрприза, без которого он практически никогда не отпускал гостей. И — дождался!

Маэстро хитровато прищурился:

— А вот я вам спою совершенно забытый романс, может быть, даже вы его и не помните.

Ни пурпурный рубин, ни аметист лиловый,
Ни наглой белизной сверкающий алмаз
Не подошли бы так к лучистости суровой
Холодных ваших глаз,
Как этот тонко ограненный,
Хранящий тайну темных руд,
Ничьим огнём не опаленный,
В ничто на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд.

Надо было видеть, в каком благоговейном молчании слушали артисты вдохновенный голос Вадима Козина. Я просто-напросто ушам своим не поверил! «Изумруд»! Жизнь предлагала «окольцовку» очередного своего непредсказуемого сюжета. Эту песню я слышал лишь однажды, на дне рождения моей будущей жены, в 1965 году. Пела песню мама моей будущей супруги, а на гитаре аккомпанировал ей мой будущий тесть. Оба они были артистами, но артистами драматическими, и исполнение романсов было их хобби, что ли. И вот, спустя двадцать три года, я снова слушал «Изумруд»!

«Келья» содрогнулась от аплодисментов.

— Изумительно, — загудел Штоколов, — Вадим Алексеевич, спишите слова! Разрешите мне «Изумруд» разучить и петь!

— Разрешаю, — милостиво сделал маэстро царский подарок. — Только знайте, что этот романс написал Борис Иванович Фомин для Изабеллы Юрьевой, но она его петь не стала. — что-то он ей напоминал. А я с ее разрешения пел иногда, очень редко, он был такой полузапрещенный...

«Списал слова» романса и я, и пока писал, а потом читал и перечитывал, все удивлялся: откуда же такое колдовское впечатление от этих, в общем-то немудреных строчек? А потом понял — от исполнителей все зависит! Два исполнения в моей памяти — дуэт двух немолодых драматических актеров и соло великого певца. И в том, и в другом исполнении — суть и дух романса — завораживающе-щемящее колдовство человеческих чувств, изначальных и вечных...

...А когда под утро гости все же собрались уходить, Борис Штоколов на прощанье сказал:

— Помните у Достоевского — «Мир спасет красота»? Так вот, Вадим Алексеевич, вы всем своим искусством несете людям именно эту красоту. И низкий вам за это поклон, и слава, и честь! Спасибо вам великое!

* * *

Как ни оттягивал я этот момент, но все же подошел к самой трудной для меня теме. Пушкин утверждал, что художника надо судить по законам, им самим для себя созданным. Я далек от мысли судить своего героя, да и не мой он вовсе герой! Вадим Козин — герой моего повествования, этой попытки описать незаурядную личность и отнюдь не ординарную судьбу.

Есть темные пятна в этой судьбе, и я не могу, как некоторые, обойти их молчанием, ибо грех умолчания — тоже грех...

Из воспоминаний поэта Петра Нефедова:

— Я вам уже рассказывал о своей первой встрече с Вадимом Козиним. Так уж случилось, что я надолго связал свою судьбу с

Дальним Востоком и, в частности, с Магаданом. После войны редакции газет, особенно в отдаленных районах, просто-напросто обезлюдели. И был клич ЦК к молодым журналистам поехать в эти места. Я работал тогда в «Огоньке», но на Дальний Восток тянуло, ведь я уже к тому времени шесть лет отдал этому краю, даже повоювать здесь пришлось. Пришел я к Суркову, он тогда главным редактором «Огонька» был, посоветоваться. «Правильно решил, Петро, — сказал маститый поэт, — съезди, поработай, пока молодой. А «Огонек» от тебя никуда не уйдет!» Жена тоже была не против. В общем, я оказался в Магадане. Поехал, как и многие, на три года, а они растянулись в целое двадцатилетие!

Я знал, что Колыма — край лагерей, край золота, край лютых морозов, а больше ничего не знал, — пресса тогда о Дальстрое помалкивала. На мое счастье, в московском представительстве Дальстроя я встретился с Львом Александровичем Шахноровичем, великолепным журналистом, он был тогда главным редактором газеты «Советская Колыма». Он меня окончательно и уговорил, и в июле 1948 года я оказался на колымской земле. Работал завотделом в газете «Советская Колыма», а когда сформировался обком партии, меня туда взяли. Потом я был директором книжного издательства, еще позднее — председателем областного комитета по телевидению и радиовещанию. А когда в Магаданской области образовалась писательская организация, меня выбрали ее ответственным секретарем. Подавляющая часть моего творчества связана с этим краем, и вообще, если говорить положив руку на сердце, всем, что мне в стихотворной области удалось, я обязан этой земле, «в броню ледяную одетой», — это я сам себя цитирую!

Знал я, что Вадим Козин «сидит», знал — за что, ведь я к тому времени был уже капитаном госбезопасности. Правда, в запасе, но в Дальстрое меня считали своим. Из рассказанных вами легенд самая близкая к истине — о его поездке в Тегеран и о гибели его родственников. А познакомился я с ним благодаря Льву Моисеевичу Туревскому, он работал тогда завотделом культуры обкома профсоюзов. Мы с ним вместе входили в состав репертуарной комиссии. Вот он мне однажды и говорит: «С вами очень хочет познакомиться Вадим Алексеевич Козин». Заключенных артистов тогда приводили или привозили в театр под конвоем, но конвой дальше дверей не шел. В самом театре они уже как бы вольными были. И вот как-то после очередного заседания комиссии Вадим Алексеевич подходит ко мне и говорит: «Петр Петрович, вы меня извините, но я к вам с большой просьбой. Я знаю, что вы летите в Хабаровск на совещание дальневосточных писателей. Не передадите ли вы письмо одной моей знакомой? Видите, конверт не запечатан — там никакой крамолы, антисоветчины нет, можете прочитать». Я, естественно, читать не стал и передал конверт адресату. А эта женщина оказалась бывшей соседкой Вадима Алексеевича по Ленинграду!

После этого незначительного, казалось бы, случая я и познакомился с Козинным, и это наше знакомство потом вылилось в цикл его песен на мои стихи. Причем Вадим Алексеевич, как всегда, устроил сюрприз. Он к тому времени уже освободился, получил комнату и вот как-то пригласил меня к себе в гости. Я ни сном, ни духом не ведал, что он работал над моими стихами, и вдруг на меня обрушиваются: «Я люблю эту землю», «Старый дом», «Бульвары Магадана»... Кстати, ведь «Бульвары Магадана» я написал, как говорится, «по поводу». Помните первые гастроли Ива Монтана и его знаменитые «Парижские бульвары»? Так мне почему-то обидно стало за Магадан, я взял и написал «Бульвары Магадана»! Как бы в пику Иву Монтану. У меня там есть такие слова: «А я люблю бульвары Магадана, и, может быть, сильнее, чем он свои!» Вот такой у нас был тогда патриотизм, и скажите мне на милость, что в этом плохого?!

Сыграл Козин свои вещи на мои слова и спрашивает: «А не подготовить ли нам с вами концерт или хотя бы отделение из этих песен?» Я, разумеется, согласился, и буквально через месяц уже держал в руках афишу — вот эту, которую и дарю вам на память. Вот, видите, концерт так и называется: «Я люблю эту землю». Вадим Алексеевич с этим концертом всю Россию объездил и в Москве выступал...

Я удивленно перебил моего собеседника:

— А между прочим, Вадим Алексеевич «не помнит» своих послевоенных гастролей в Москву!

Не хочет помнить, наверное, они для него очень плохо кончились. Я расскажу об этом чуть позднее. А сейчас я хочу сказать вот о чем. Ведь мы, тогдашняя магаданская интеллигенция, пре красно знали, кто здесь сидит и за что. И мы, а не только меценатка Гридасова, посылно пытались облегчить их участь. Вот вы про артистов пишете, а ведь здесь отбывали наказание и писатели, и поэты. Мы помогали выжить и Алдану-Семенову, и Португалову, и тому же Жигулину, который за что-то на меня сильно обижен. Живем в одном доме в Москве — и не здороваемся, жуть! А разве я виноват, что по другую сторону колючей проволоки оказался?! А скольким молодым талантам мы дали путевку в жизнь в магаданской писательской организации! Так что я «ничуть не жалею, не сетую!» Опять сам себя процитировал...

Так вот о гастролях Козина. Это уже был 1956 год. Кончилась его ссылка, и ему разрешили поездки по стране. Причем дали ему высшую концертную ставку, такую же, какую он до войны, в самый пик своей славы, имел. Разрешили самому подобрать состав концертной бригады. Он с триумфом вернулся на эстраду, объехал много городов, и наконец ему официально разрешили выступить в Москве. Концерт состоялся в бывшем, сейчас уже, к сожалению, снесенном здании театра «Современник» на площади Маяковского. На концерт собралась вся московская элита. Появление кумира было встречено с восторгом. Среди выносивших певца на руках из зала были Козловский, Райкин, Русланова... Вадим Алексеевич на следующее утро звонил мне в гостиницу — я в отпуске был, и сказал буквально следующее: «Успех потрясающий, сам не ожидал! Предлагают ряд концертов, но почему-то в Доме культуры железнодорожников. А я хочу в Колонном зале! Не хочу в клубе! Я им так и сказал». Я пытался его отговорить: дескать, Колонный зал потом тоже будет, а пока надо соглашаться и на Дом культуры железнодорожников, но он заупрямился, уперся — и ни в какую. Уверен, что Козин и с чиновниками от культуры, от которых его дальнейшая судьба зависела, разговаривал в таком же тоне. Колонного зала ему, разумеется, не дали, и обиженный певец отправился обратно в Магадан...

Я же, как вам говорил, находился в отпуске, а он, сами знаете, у нас длинный, поэтому в Магадан попал где-то через полгода. Зашел в обком отметить и в кабинете первого секретаря Павла Яковлевича Афанасьева услышал «сенсацию»: триумф Козина неожиданно завершился арестом артиста в номере хабаровской гостиницы. Статья, предъявленная артисту, носит порядковый номер 121-й — гомосексуализм...

Павел Яковлевич спросил, как сейчас помню, у находившегося в кабинете прокурора области Федора Лукича Кравцова: «Федор, а вы не ошиблись?» — «Павел Яковлевич, — ответил прокурор, — уж если мы взяли, то мы уж докажем, что не ошиблись!» Я никогда не забуду эту фразу.

Доказали, разумеется... Но как-то так получилось, что на этот раз Козин практически не сидел. Работал учетчиком на стройке, потом мы его библиотекарем устроили. А библиотека в то время в театре находилась, так что он вроде при театре состоял. Хотя выступать ему, конечно, не разрешали, да он, насколько помню, и не жаждал этого особенно. Я тогда директором издательства работал и часто при встречах советовал ему писать воспоминания. Иван Дмитриевич Гарающенко, завсектором печати обкома партии, даже хотел над ним шефство взять, но Вадим Алексеевич категорически отказался. Я ему говорил: «У вас в руках материал, которому цены нет, ни один фантаст ничего подобного не придумает и не сочинит!» Помню, Козин показывал мне телеграммы и письма от Качалова, Козловского, Лемешева, Церетели, Шульженко, сотни документов — куда они сейчас делись?.. Но певец

был убит этим вторым сроком, его ничто не интересовало, состояние было близко к клинически депрессивному. Он года три-четыре не выступал вообще, ни одной песни за это время не сочинил...

Друзья считали, что то, что с ним произошло, скорее несчастье. Многие понимали, что Вадим Козин — русский самородок в самом высоком и благородном смысле этих слов. Его знаменитые песни сегодня все слушают — и мы, старики, и вы, люди среднего поколения, и подростки, и внуки мои маленькие. Потому что это — настоящее искусство! Я думаю, оценка его творчества впереди, и она будет очень высока, потому что он — Артист с большой буквы, и это главное!

Вот такой рассказ современника событий. Я приобщил его к другим свидетельствам, но что-то не давало мне покоя. И я показал свою запись Козину. Вот его реакция, зафиксированная на магнитофонной пленке.

-Лешенька, - маэстро вдруг перешел со мной на "ты", - вот я смотрю в твои голубые глаза почти уже не видящими глазами, - ты ведь видишь, я уже только с лупой читаю. Вот, глядя глаза в глаза, говорю: "Могу поклясться чем угодно, Богом, памятью мамы моей, дочери моей, - никогда, никогда я не был педерастом!" Да, в их компании я, как говорится, "был принят". Но! Мне эта компания была интересна как артисту. Мне нужно было знать, как они живут, чем они живут. Мне это надо было для моего творчества. Любой художник просто обязан всеми сторонами жизни интересоваться, даже, как сейчас говорят, теньвыми...

А тогда, в Хабаровске, - это чистая провокация! Если бы ты знал, сколько зависти, сколько злобы в мире существует, а тем более в актерской среде. Я знаю, кто меня заложил. Если он сейчас жив и прочтет твою повесть, то я хочу ему сказать: я простил! Простил, но пока не забыл, может, - еще забуду. Я его, естественно, не назову. А если он уже умер, пусть земля ему будет пухом... Вот клянусь тебе: никогда, ничего в этом плане не было, клянусь! А этот "шлейф" за мной тянется... Давай его разведем! Просто кому-то я сильно "навредил", может, "дорогу перешел". Да и знаю кому, но не скажу...

Да, я никогда не был женат, ну и что же? Дочь же у меня была?! Была... Умерла в ленинградскую блокаду. Как и мама, и сестра, да что вспоминать?!

Вот вы говорите (маэстро опять перешел на "вы"), у вас есть письмо от моей дочери. Это - ложь, провокация, если хотите, шантаж. Моя дочь умерла в Ленинграде в блокаду...

Да ты вообще знаешь (снова - "ты"), что творится вот здесь? - Козин ударил себя кулаком в грудь. - Вы все знаете, что здесь творится?!

Об этом остается только догадываться, предполагать. И здесь очень кстати вспомнились изыски Зигмунда Фрейда. Он ввел в психоанализ понятие "нарциссическая травма". Самовлюбленный Нарцисс, разглядывающий собственное отражение в воде, вызвал у классика психоанализа ассоциации с человеком высоких достоинств, имеющим о себе достаточно высокое или даже несколько преувеличенное мнение. И вот если такому человеку наносится серьезная обида, у него развивается один из серьезнейших комплексов, который нередко приводит к депрессивным и даже самоубийственным тенденциям. Но может произойти и противоположное: появление чувства величия или превосходства. Человек выстраивает свой идеализированный образ, перенося собственные недостатки на других людей, а часть их достоинств приписывая себе.

Я не специалист психоанализа, но уж очень четко "укладывается" в схему "нарциссической травмы" часть жизни Вадима Козина. Одаренный артист на вершине славы сильно обижен - первый срок, во всяком случае, он никак не заслужил. Тут, согласитесь, травма серьезная. Было от чего сломаться и физически, и морально. Но у меня нейдет из головы фраза прокурора: "Уж если мы взяли, то докажем!" Снова зловещее: "Был бы человек, а статья найдется!"

Я не буду больше возвращаться к этой теме. Предлагаю читателю самому положить на весы «негатив» и «позитив» Козина и посмотреть, какая из чаш перетянет. Только об одном прошу не забывать — о суровой и беспощадной эпохе, ломавшей судьбы не отдельных людей, а миллионов...

* * *

— Вадим Алексеевич, — как-то поинтересовался я, — а как же так получилось, что вы поете и мужские, и женские романсы?

— Ну, это не один я так делаю. Вот я пою «Не страшай меня грозной судьбой» — это на слова Ахматовой. Так я ничего в тексте не менял, а Вертинский ту же Ахматову в мужчину переделал! У нее: «Я очень спокойна, но только не надо...», а Вертинский поет: «Я очень спокойный...» И — ничего! Если кто-то не знает, что автор — женщина, то и не догадается никогда. А у меня ясно все: ведь мама пела, бабушка пела, я им, естественно, ребенком подражал, подражал Вяльцевой... Ну, и голос уж такой.

А началось все с курьеза! Как-то, в начале тридцатых, я чуть было не опоздал на концерт — прибежал прямо перед выходом на сцену. Едва отдышавшись, выскакиваю из-за кулис и пою песенку «Чудо-чудеса». Видимо, от волнения спел ее не совсем так, как обычно. Но публике понравилось — зал буквально взорвался аплодисментами! Выхожу, а ко мне подбегает Наталья Ивановна Тамара, прекрасная певица, и, смеясь, говорит: «Ну, Вадим, хотела на тебя обидеться, да не могу. Ведь я же эту песню только что спела! И меня публика совсем не так приняла! Так и быть, больше я ее не пою, а ты — пой на здоровье!» А потом с «Газовой косынкой» еще случай был. Эту песню пели Тамара Церетели, Изабелла Юрьева, Екатерина Юровская, но записать ее на пластинку все единодушно решили в моем исполнении. Подчеркиваю — «единодушно», ведь мы тогда все дружили!

Вот так и пошло — пел, что мог спеть, что получалось. Главное — чтобы публике нравилось и голос позволял...

Я не силен в теории музыки, но мне хочется порассуждать о феномене Вадима Козина. Он триедин — поэт, композитор, исполнитель. Однако он не бард, его нельзя сравнивать, скажем, с Владимиром Высоцким, вернее — можно сравнивать только их популярность, но не искусство. Козин в своем творчестве напоминает скорее Виллона, о котором Осип Мандельштам писал: «Лирический певец по природе своей — двуполое

существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога. Это — лирический гермафродитизм». Но Козин еще и актер! У того же Мандельштама есть рассуждения и по этому поводу: «Актер — профессия, противоположная поэту. Но и у актера должно быть единство персонажа и себя, оно достигается, если артист хотя бы отчасти жертвует собой ради роли».

Вот и попытайтесь понять, что творится в душе такой личности, как Вадим Козин. Сколько и каких страстей разрывает ее!

Мы привыкли полагать себя только в сегодняшнем дне, в лучшем случае — стремиться к «светлому завтра». И забываем подчас, что вне связи времен не понять ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. И каждая отдельная судьба — частица истории. Не заметим ее или предадим забвению — и, возможно, чего-то, очень существенного, так никогда и не поймем.

Творчество Козина... Ведь это он не дал умереть, угаснуть целому жанру! И бережно сохранил, передал нам, нашим детям и внукам очарование русского и цыганского романса, исполняя его в первозданном виде, в каком ему внимали декабристы, Пушкин, Толстой, Достоевский...

Вот почему я снова и снова звоню Вадиму Алексеевичу. Получив очередное приглашение «на чай», иду в гости. И мы говорим, говорим... о политике! Но обязательно наступает момент, когда хозяин грозно заявляет:

— Все! Опостылела эта идеология! Давайте послушаем Козина!

И включается магнитофон, и звучат «Снился мне сад», «Прощай, мой табор», «Всегда и везде за тобою», «Смейся, смейся громче всех», «Любушка»...

Маэстро слушает пригорюнившись! !

Но вот запись кончилась.

- Ну что? Мог Козин петь? То-то!...

И хотя никто не возражает, наоборот, все присутствующие долгом своим считают сказать комплимент, на лице Вадима Алексеевича воинственное выражение. Он готов спорить, отстаивать свое искусство до последней капли крови. Не найдя достойных оппонентов среди гостей, маэстро вдруг «выдает»:

— Меня Екатерина Фурцева, министр культуры, притесняла. А я ей заявил и письмо послал: я, дескать, песни сочиняю и пою их, а вы что делаете?! И в конце письма написал: обязуюсь жить и петь до двухтысячного года, а вы в своем кресле до двух тысячного усидите?! Резковато, конечно, но ведь оказался прав! Я — вот он! Жив, здоров, пою, сочиняю — тьфу-тьфу-тьфу, — а где она? То-то же...

И я ухожу от певца успокоенный, умиротворенный, и мне, честно говоря, наплевать, что в данную минуту решают наши парламентарии.

* * *

День рождения у Вадима Алексеевича проходит по давно устоявшемуся ритуалу. Поклонники собираются в театре, в кабинете ответственного секретаря Магаданского отделения Союза театральных деятелей Лолы Афонинной, и накрывают стол. Вадим Алексеевич появляется где-то в полдень. Нарядный, подтянутый, праздничный, но и очень капризный. Так, он почему-то невзлюбил журналистов, и в 1991 году среди гостей были только я и мой коллега Юрий Иванов. У нас была причина обязательно попасть на этот день рождения. Дело в том, что как раз 21 марта на сессии Магаданского горсовета решался вопрос о присвоении Вадиму Алексеевичу Козину звания «Почетный гражданин города Магадана», и мы, естественно, хотели первыми зафиксировать это событие. Поэтому вооружились не только магнитофонами, но и видеокамерой.

Вадим Алексеевич капризничал:

— Раньше меня надо было снимать! Я теперь уже старик! И зачем так много цветов, вы что, хоронить меня пришли? Сколько раз говорил: не надо мне цветов, принесете их на могилу!

Но потом неожиданно сменил гнев на милость:

— Ладно, так уж и быть, — снимайте. А я вот вам письмо покажу, специально принес, только сегодня получил...

Письмо действительно было необычное. Даша, пятилетняя поклонница из Ростова-на-Дону, не только написала: «Дядя Козин! Вы очень хорошо поете. Я вас нарисовала. Спойте мне песенку!», — но и цветными карандашами запечатлела у микрофона молодого, жгучего, очень волосатого брюнета. Дашенька, наверное, только так и представляла себе певцов.

— Очень трогательное послание, — прокомментировал письмо Даши Вадим Алексеевич, — а вообще мне сегодня уже десятка три поздравлений пришло. Знаете, — обратился вдруг неожиданно он ко мне и Иванову, — вы тоже сегодня ко мне часиков в пять приходите. Посидим, поговорим, я кое-что вспомню. Вам это будет интересно.

Праздник проходил по заведенному ритуалу. Певца поздравили председатель областного отделения СТД И. Быков, замначальника управления культуры Т. Коркмазов, ответственный секретарь Магаданского отделения Всесоюзного фонда культуры А. Андреев, зам председателя горсовета В. Печеный. Каждый из них говорил подобающие случаю слова, вручал имениннику почетные грамоты и адреса, не обошлось и без традиционных конвертиков, не лишним для пенсионера. И — море цветов, это в марте-то в Магадане! Вадим Алексеевич заметно подобрел. Ему явно нравилось, что его поздравляют, говорят добрые слова, вручают подарки...

— Спасибо, спасибо, дорогие друзья, — растроганно, но хорошо поставленным голосом бормотал маэстро — он, как всегда, чуть-чуть играл. — А теперь милости просим к нашему скромному столу!

А стол, по нынешним меркам, не такой уж и скромный. Шампанское и водка, красная рыба и крабы, пироги и торты, шоколадные конфеты, индийский чай и бразильский растворимый кофе...

Потом была неофициальная часть дома у певца. Собрались самые близкие друзья Вадима Алексеевича, поделили за праздничным столом. Именинник перелистывал альбомы с фотографиями, письма, рецензии, шутил, вспоминал прошлое...

— А вы знаете, — ведь я учился в Петербурге в частной гимназии. У отца был друг — доктор Николай Петрович Шиповальников. Так вот, он содержал частную гимназию. И когда была революция, мы, ученики, бастовали

и ходили на площадь ораторов слушать. Очень тогда Керенский был популярен. И знаете, я не согласен с гонениями на политических деятелей прошлого. Вот, скажем, Наполеон. Кто он — злодей или герой? А могила его так устроена, что для того, чтобы взглянуть на его саркофаг, обязательно надо наклониться, а это значит — поклониться праху! Вот это уважение к личности! А что ныне у нас творится? Памятники ломают, жуть! Знаете, я где-то вычитал, что в каждом веке есть свое средневековье. Очень точная мысль. Я-то думал, что свое средневековье в этом веке Россия уже пережила, а сегодня вон что творится... Ну что мы опять о политике?! Я вам сейчас спою.

В далёкой знойной Аргентине...

Господи! Танго-гиньоль! С ума сойти! Каждому из гостей, наверное, вспомнилось что-то свое, вспомнилось и мне. Послевоенное Подмосковье, станция Расторгуево. Мы — на даче, значит, — каникулы. Вечер. Соседи собираются на «пятячок». В те годы быстро знакомились и дети, и взрослые, запросто хаживали друг к другу в гости, одалживаясь мукой, сахаром, керосином, десяткой до полочки. А по вечерам — танцы на «пятячке» — так называлось место, где можно было поставить проигрыватель. Вот тут-то и появлялись «ребрышки», среди которых была и «Аргентина».

...Чуть загорался свет вечерний,
Она плясала с ним в таверне
Для пьяной и разгульной черни
Дразнящее танго...

Голос маэстро все еще хорош! Великолепна дикция, совершенно владение интонацией. И при этом какая мимика! Козин играет гиньоль, и слушатели устремляются вслед за его божественным голосом. Из Аргентины мы попадаем вместе с Кле и английским сэром в Париж, где коварную изменницу настигает ревнивый Джо и, разумеется, «с дьявольской улыбкой вонзает в сердце Кле кинжал!»

Свидетельствую: о Джо и Кле поют не только в далекой знойной Аргентине, но и в далеком вьюжном Магадане. О них поет Вадим Алексеевич Козин. Мы аплодируем, что-то восторженно кричим...

- Не надо, не надо, - улыбается певец. - Сейчас я вам еще одно танго-гиньоль спою, вот уж действительно забытое. Музыку написал старичок один, француз по национальности, но жил он в Петербурге, Поль Марсель. Я во времена нэпа частенько пел это танго. - Слово "танго" маэстро произносит с ударением на "о", с небольшим прононсом. Оно и понятно - песня-то про Марсель!

Разворот на табуретке, элегантный поклон, аплодисменты! Маэстро доволен - сюрприз удался! Перед тем как писать эти строки, я заглянул в "Театральную энциклопедию". Цитирую: "Гиньоль - персонаж французского кукольного театра, тип остроумного и циничного ремесленника, появился в XVII веке в Лионе. Второе значение: вид театрального представления, изобилующего различными "злодействами"

Ловлю себя на мысли: где ныне те "ребрышки" с записями козинских гиньолей, что я слушал в начале пятидесятых? И не последняя ли из них звучит сейчас из динамика моего магнитофона? Магаданское радио сделало все, что в его силах, но технические возможности фирмы "Мелодия" или Дома звукозаписи несопоставимы с нашими.

По-моему, впору спасать творческое наследие Вадима Козина, знаменитого русского певца. Мастера культуры, профессионалы звукозаписи, вспомните свою молодость, танцы под "Осень", "Встречу", "Ветку сирени", "В далекой знойной Аргентине", "Шумит ночной Марсель". Помогите сохранить голос Вадима Козина! -

Виток третий

"Не уходи, ещё не спето столько песен..."

21 марта 1991 года, в день восемьдесят восьмой годовщины со дня рождения Вадима Алексеевича Козина, сессия Магаданского горсовета воздержалась от присвоения артисту звания "Почетный гражданин города Магадана". Газета "Вечерний Магадан", опубликовав результаты поименного голосования, поместила на этой же странице подборку читательских писем и редакционный комментарий: "Всем нам позор, да и только". Привожу выдержки из писем.

21 марта с. г. общественность центрального Казахстанского региона с возмущением восприняла беспрецедентное решение сессии Магаданского горсовета о неприсвоении В. А. Козину звания почетного гражданина города Магадана, — пишут молодые литераторы из Караганды. — Казахское литературное объединение «Ашиг» с радостью и надеждой ожидало решения сессии как победу добра и приурочило к этой дате свое решение, избрав В. А. Козина своим почетным президентом, не сомневаясь, что звание почетного гражданина Магадана ему будет присвоено...

Решение сессии Магаданского горсовета мы рассматриваем как продолжение репрессий нашего кумира, которое может стать для него роковым. Данному факту бюрократического вандализма нет никаких оправданий.

Письмо из Ростова-на-Дону:

Печально! И очень печально! Боже! Как мы разучились ценить людей при их жизни. Видимо, при такой обстановке, какая сейчас в стране, мы скоро забудем и собственную мать, которая дала нам жизнь. Или мы ждем того времени, когда этого поистине всенародного артиста, несказанно обогатившего наше эстрадное искусство, не жалея себя и своих сил, многие десятилетия служившего

своему народу, не будет с нами? Возможно, тогда мы соберемся вспомнить его и начнем кричать во весь голос: «Ах! Ох! Недогадители!», как это, к огромному сожалению, было с В. Высоцким и многими другими выдающимися представителями нашего искусства.

Вадим Алексеевич Козин, живя в Магадане, украсил его, если не сказать больше. Все люди, кому пришлось побывать в вашем городе то ли в гастрольной поездке, то ли по делам службы, считают своим прямым долгом посетить великого Артиста.

Автор данного письма знаком с жизненным и творческим путем Вадима Алексеевича Козина с 1936 года. И я знаю, что в то гнусное время у Вадима Козина были «неприятности», а у кого, положив руку на сердце, их не было тогда?! Так неужели мы все, честные люди, будем и сегодня казнить человека, артиста, приносящего столько радости людям, за преступления, которых он, может, и не совершал, но за которые сверх всякой меры наказан?!

Н. Мангушев.

И, наконец, письмо из Магадана от ветеранов Н. Ивановой, К. Сибирко и других, всего пятнадцать подписей:

...Требуем опубликования результатов поименного голосования в вашей газете! Наверное, многие из депутатов, голосовавших против или воздержавшихся, просто-напросто не знают, кто такой Вадим Козин. На его концерты в Магадане, да и на трассе было не попасть, так набивался в залы народ. Билеты были очень дорогие, потому что сбор с концертов шел на оплату труда горняков, в банках было пусто! Что это — забывчивость или простая некомпетентность нынешних власть предержащих? Да мы просто должны Козину, а в порядочном обществе долги принято возвращать. Кстати, насчет «забывчивости» мы не верим, ведь вспомнили же артисту все плохое, что о нем говорилось...

Я не буду комментировать ни эти письма, ни решение сессии горсовета. Отмечу только два момента. Во-первых, воздержавшихся от голосования и отсутствующих депутатов было больше, чем проголосовавших. И, во-вторых — любопытна одна деталь. Среди тех, кто был «за» — председатель горсовета Л. Мусин и председатель горисполкома Г. Дорофееву среди голосовавших «против» — тогдашний первый секретарь горкома КПСС В. Вечканов. Что это — следствие «идейного» неприятия творчества Вадима Козина?

Почти одновременно с сессией Магаданского горсовета в Москве, в Георгиевском зале Кремля, группе деятелей искусства были вручены награды. В числе других ордена Ленина был удостоен народный артист СССР Георгий Жженов, бывший сокамерник Вадима Козина. Я в то время был в столице, и мне подумалось, что воспоминания Жженова украсили бы повесть о Козине. Но театр имени Моссовета был на гастролях. Я оставил письмо для Жженова, в котором поздравил артиста с высокой наградой и предложил ему поделиться своими воспоминаниями о Магадане тех времен, о крепостном театре, о Козине. Жду ответа до сих пор...

Вот вам прихоть судьбы. Один из бывших сокамерников — народный артист СССР, до сих пор активно работающий в одном из престижных столичных театров; другой — старик, доживающий свой век в убогой «хрущевке» на самом краю света...

Тогда, 21 марта, мы с Юрием Ивановым отсняли уникальный видеоматериал, записали не одну кассету воспоминаний артиста. А предоставили нам всего семь минут эфирного времени в городском видеоканале «ТВ—«Мир»»... Невероятно! Да был ли хотя бы один человек, так прославивший наш город, «столицу Колымского края», как Вадим Козин? Увы, судьба безжалостна к своим пасынкам.

* * *

Искусство нуждается в меценатах, рискну это утверждать. Тем более у нас, в нашей стране, и особенно в Магадане. Козину покровительствовали многие, начиная с той же Гридасовой. Но — «одних уж нет, а те далече»...

Умерла Инна Борисовна Дементьева, в прошлом директор областного театра, в свое время вволю хлебнувшая колымских лагерей.

Ушла из жизни Лариса Ефремовна Тимашова, кандидат наук, искусствовед, бывший ответственный секретарь Магаданского отделения Союза художников СССР. Умерла оклеветанная, находясь под следствием по делу о взяточничестве. Обвинение, как выяснилось, было облыжным, об этом писала «Литературная газета». Лариса Ефремовна, кстати, жила в одном подъезде с Вадимом Алексеевичем и полностью взяла на себя заботу о его быте.

Не стало и Александры Романовны Гридасовой. Бывшая «царица Дальстроя» закончила свою биографию в должности заведующей прачечной в Москве. Она спилась и «стреляла» по десятке у «старых знакомых».

Умер Валерий Алексеевич Михайлин, режиссер областного радио. Именно ему мы обязаны богатой коллекцией записей Козина...

Так что же, действительно умерли все поклонники, друзья и покровители? Нет, к счастью, не все... Вот из них-то и составила инициативная группа, поставившая своей целью добиться пересмотра решения сессии Магаданского горсовета. Слово — одному из ее членов, архитектору Игорю Гоголеву:

В Магадане я с 1955 года, а мой рабочий стаж, учитывая северный коэффициент, пятьдесят семь лет — больше, чем мне от роду... Имя Козина я узнал задолго до прибытия в сей славный град Магадан. А дело было так. Мне было семь лет. Родители собрались в гости, и отец сказал мне: «Ты тут без нас не скучай, а в случае чего заведи пластинку. Вадима Козина. Только, умоляю, не сядь на нее. Пластинки по нынешним временам дорогие, к тому же хрупкие».

Понятно, что как только родители ушли, я тут же проверил хрупкость пластинки, и она, естественно, рассыпалась. А я получил заслуженное наказание по тому самому месту, которым разрушил пластинку...

В Магадан я приехал уже молодым специалистом-архитектором, с женой. Я знал от отца (они с матерью в Магадане уже жили и работали три года), что здесь живет Козин и что он еще поет. У меня, скажем прямо, было определенное предубеждение против Козина. И вот вдруг, как в сказке — вдруг! — мой друг, я уж и в рифму заговорил, мне и говорит: «Слушай, сегодня день рождения Вадима Козина, он меня пригласил, пойдем вместе». Я, чуть поколебавшись, согласился.

Вадим Алексеевич жил тогда на Портовой улице, что и зафиксировано в каноническом варианте «Я живу на улице Портовой», которая сейчас поется: «Я живу в квартире номер девять». Мы с другом по пути зашли в магазин, купили красивый блокнот с сереб-

ряной полоской на обложке, сами (благо архитекторы!) выгравировали дарственную надпись. И явились, предстали, так сказать, «пред очи». Все было прекрасно — и сам маэстро, и публика, в основном артисты театра, и, разумеется, его песни.

А когда Вадиму Алексеевичу исполнилось шестьдесят, с трудом достал билет на его концерт. В театре люди стояли в проходах. Козин был в темном костюме, в бабочке, держал себя почему-то очень строго, даже как-то обиженно, что ли. А может, мне это показалось? Ведь он после концерта мне программку подписал, улыбнувшись при этом. Вот она, эта программка, раритет.

С тех самых пятидесятых я и стал поклонником Козина, почитателем Таланта, обязательно напиши это слово с большой буквы. Ведь сегодня что делают? Приглашают, скажем, на гастроли Вилли Токарева. Наверное, платят валюту (кстати, откуда они берут, если ее нет?). Предоставляют ему залы, аудитории, обеспечивают прессу, даже «девочек», одну из которых он таки увез с собой, а за что? За кабацкий полублатной репертуар?! За полуголос?!

А в это время Вадим Козин доживает в нищете, в «хрущевке». Уж я-то, как архитектор, знаю, что такое «хрущевка». Кстати, «хрущевки» еще называют «хрущобами», это, по-моему, точнее...

Доживает... Что, опять дожидаются, пока умрет? Как с Высоцким? При жизни — негодяй, алкоголик, наркоман, а после смерти — хороший человек, великий артист, бард и т. д. А ведь Козин еще работает, поет, может консультировать.

И еще один важный момент. Вадим Козин — патриот Магадана, об этом нельзя забывать. Мы, старожилы, это помним и ценим. А знаешь, как его на концертах встречали?

Вообще душа болит, когда видишь, как умирает наша культура. Вот уже и наш клуб интеллигенции буквально на ладан дышит. Да и группа эта инициативная — она вроде и есть, а вроде и нет. Поговоришь с человеком, он не против, он — «за»! А дойдет до конкретного дела, — буквально за каждым бегать приходится. Раньше лучше было, ей-Богу! Вокруг того же Козина мощная группа интеллигентов собиралась. А сейчас? Многие умерли, другие поразъехались... Кто его сейчас навещает, кто помогает старость коротать? Несколько человек...

И в заключение вот о чем. Я — архитектор-градостроитель. Много в городе и в области построено по моим проектам, да и ныне продолжает строиться. И мне бы очень хотелось, чтобы одна из улиц Магадана носила имя певца Вадима Козина. Я слышал предложение переименовать Школьный переулок, где живет Вадим Алексеевич, в Козинский. Вот этого бы не стоило делать. Понятно, что школы, в честь которой назван переулок, уже не существует, но ведь она была! Историческая школа, построенная по указанию Надежды Константиновны Крупской. В Магадане и так уж много чего переименовали. Так можно далеко зайти, и проспект Маркса, бывший Сталина, переименовать в проспект Ельцина...

А вот одну из новых улиц города, а они будут, надо назвать в честь Козина.

И тут я вспомнил, что мне по этому поводу говорил в Москве Петр Нефедов:

Послевоенный Магадан... Город, окруженный вышками...
Жак вот, в таком городе, да еще зимой, в пургу, и вдруг — театральный зал, праздничная обстановка, все в хороших костюмах, женщины — в нарядах, в украшениях. Выходит на сцену во фраке, с бабочкой конферансье и произносит всего два слова: «Вадим Козин!» И — аплодисменты! Буря аплодисментов! Как люди слушали его! В той ледяной полупустыне, какой был тогда Магадан... Да и сейчас. Вот недавно прошла телепередача, так мне здесь в Москве старые друзья-приятели телефон оборвали: «Ты смотрел? Неужели еще жив?!» Потому что его помнят, его знают, его любят...

А для меня лично Вадим Алексеевич в моем творчестве нечто даже мне самому неизвестное открыл. Ведь я не писал песен, а он нашел если не песенность, то балладность, что ли. И я ему очень благодарен. Вот у меня новый цикл стихов есть. Передайте, пожалуйста, Вадиму Алексеевичу, может быть, его заинтересует что...

Я передал стихи Петра Петровича Нефедова Вадиму Алексеевичу Козину, но предварительно подготовил радиопередачу, в которой напомнил слушателям о мощном творческом тандеме Козин—Нефедов, существовавшем некогда в Магадане. В передаче прозвучали стихи Нефедова и песни Козина. Передача называлась «В часы раздумья» и была построена в форме диалога двух пожилых людей, которым есть что вспомнить и есть чем поделиться с радиослушателями.

Господи! Я даже не предполагал, какой праздник устроил этой передачей Вадиму Алексеевичу!

— Ты знаешь, Лешенька, — так фамильярничать маэстро позволяет себе крайне редко. — Мне телефон сегодня буквально оборвали! Звонят и звонят! Помнят еще Козина, а?! И где это только ты все эти песни разыскал? Я уже некоторые из них забыл, а вот сейчас опять вспомнил. А сколько с каждой из них связано! Вот сейчас тебе спою «Я люблю эту землю». Программная вещь. Слушай!

— Я не уверен, что это — подлинный текст, но я так пел и пою. Думаю, Петр Петрович не обидится, если что немного не так, как у него. А те стихи, которые ты мне от него передал, уже в работе.

Спасибо тебе, а то я совсем засыхать стал. Если вечером никто не придет — прямо хоть волком вой от тоски! Старость, что ли? Что-то и гостей столичных стало меньше заезжать. Ведь здесь, в этой келье, кого только не было! А в последнее время никто не заходит, наверное, думают — умер Козин. А я — жив!

Нет, причина в другом. В Магадан в последнее время стало меньше приезжать гостей. Местная филармония, лишившись большей части дотации, зарабатывать сама пока не научилась. Гастролеры же заламывают астрономические суммы. Поэтому в Магадане в последние годы и образовался некий культурный вакуум, который и почувствовал Вадим Алексеевич. Что же касается одиночества... Неблизкие друзья не всегда рискуют побеспокоить старого артиста, да и близкие могут услышать по телефону, — а предварительный звонок — неперемное условие визита, — капризный отказ. Зато уж если ты попал в квартиру номер девять, — ты обласкан, накормлен и напоен. Маэстро очень трогателен в своем гостеприимстве:

— Сейчас будем пить чай, у меня индийский. Хотите кофе? У меня — бразильский. У меня и сахар есть, и конфеты шоколадные.

С шоколадными конфетами недавно вышел небольшой конфуз. В Магадане они — страшный дефицит, но Вадиму Алексеевичу кто-то где-то достал килограмм. Козин набил конфетами карманы и отправился в театр. Всех, кого встречал, угощал. Все принимали с благодарностью. Но произошла «осечка». Маленькая девочка наотрез отказалась брать конфету от «незнакомого дедушки, мама не велела». Козин расстроился до слез, долго ходил за ней, да так и не уговорил. И целую неделю потом вспоминал этот случай с горькой

усмешкой: «Все, не знают Козина в Магадане. Дети боятся у Козина конфетку взять. Пора Козину на Марчекан!» (На Марчекане находится городское кладбище.) Еле-еле отговорили старика помирать...

А в квартире номер девять своим чередом проходит ритуал чаепития. Вскипает наконец капризный чайник, заваривается чай, достаются стаканы и подстаканники, хозяйский — с изображением Большого театра. Обязательно подается чистое полотенце — протирать стаканы. Иногда, впрочем, на столе появляется «коктейль адмирала Макарова» — красивая иностранная бутылка с загадочным корешком внутри и с не менее таинственным содержимым. Рядом с ней выстраиваются стопки и неизменные рыбные консервы. «Их даже Мосик кушает, — говорит Вадим Алексеевич, — а мой кот всякую дрянь есть не станет!» Еда для Мосика разогревается тут же, на абажуре настольной лампы, и роскошный черно-белый семилетний зверь с большим удовольствием принимает участие в совместной трапезе.

Потихоньку разгорается скромное застолье. И самое время поговорить с человеком, лучше всех знающим сегодняшнюю жизнь Вадима Алексеевича. Кстати, сам маэстро называет Лиану Алексеевну Слепцову, соседку по лестничной площадке, своим ангелом-хранителем. Ей слово:

— Когда я въехала в эту квартиру и увидела на соседней двери табличку: «В. А. Козин», то, говоря попросту, обалдела! Ну, и по-женски, просто по-человечески, решила помочь, скрасить, как говорится, его быт. Но не так-то просто это оказалось! Гордость дьявольская у старика!

А песни Козина я помню еще с детства, да и вся юность прошла под его песни, мы под них танцевали, влюблялись. «Осень», «Дружба»... И вот у человека с таким Голосом оказался такой Характер! Ну никакую помощь не примет! А ведь сами видите, как живет. Но еще не родился тот мужчина, которого бы женщина не перехитрила, будь он хоть и великий артист!

— Лиана Алексеевна, а можно вопрос на засыпку?

— Попробуйте.

— Сами понимаете, тесновато Вадим Алексеевич живет, а переезжать в новую квартиру не соглашается, да и трудно ему, в его возрасте. А вот пробить стену и объединить две квартиры он согласен. Ведь это он вашу квартиру имеет в виду.

— Я согласна переехать. Единственное мое условие: предоставить равноценную квартиру, а мне предлагают у черта на куличках и без телефона. Я в принципе не против переезда. Но пока все на точке замерзания, я даже ответа на свое заявление не получила. А чего еще от наших властей ждать? Да Бог с ними... Пока я здесь живу, хоть Вадим Алексеевич присмотрен...

— А как вам все же удалось найти подход к нему?

— Это — мой секрет. Шучу, конечно, никакого секрета нет, просто женская терпеливость. Ведь он меня так же, как и вас, за любую попытку помочь ругает. Он ругается, а я — терплю! Потому что для меня он не только гений песни, но и просто старый, одинокий человек, нуждающийся в заботе. А потом я — не единственная, кто помогает Вадиму Алексеевичу. Редкий вечер у него гостей не бывает. Другое дело, что не у каждого терпения хватает его капризный характер переносить. Мне, может быть, проще потому, что я — одна, мне здесь больше не о ком заботиться. А он ревнивый!

В отношении квартиры мне бы вот что хотелось сказать. Она нужна не столько самому Козину, сколько тем людям, для которых небезразлично его творчество. Я уж не знаю, как можно было бы ее назвать, эту квартиру, может быть, клубом Вадима Козина, вот ведь была телепередача о клубе Петра Лещенко в Москве.

В этот клуб ходили бы не только магаданцы. Вадим Алексеевич стесняется убожества своего жилища, но многие гости нашего города, и особенно иностранцы, правдами и неправдами все же проникают к нему. Мне, постороннему человеку, перед ними просто стыдно, за державу обидно!

Я знаю, многие считают, что он достоин присвоения ему звания «Почетный гражданин города Магадана». Вот и провели бы в городе референдум, люди бы и решили наконец этот вопрос. И сам он хочет стать почетным гражданином Магадана, да это и понятно: мало кто из наших земляков так, как Козин, это звание заслужил...

* * *

Логика повествования подсказывает, что настало время проштудировать вместе с Вадимом Алексеевичем Козиным «Братьев Карамазовых». Не могу не посетовать на трудность этой задачи. Но мне необходимо знать, как выдающийся артист, проживший сложную жизнь, осмысливает великое произведение Ф. М. Достоевского, что видится ему в судьбах его героев, в той России, которой уж нет и не будет...

Вадим Алексеевич начал работу (иначе не скажешь!) над романом Достоевского с истории его создания. В тексте примечаний толстой чертой подчеркнута фамилия — Ильинский. Ведь в основу сюжета «Братьев Карамазовых» положена история одного из товарищей Достоевского по Омскому острогу, отставного подпоручика Ильинского, который служил ранее в тобольском линейном батальоне, судился за отцеубийство и был приговорен к двадцати годам каторжных работ. «Отцеубийца из дворян» появился в первой главе «Записок из мертвого дома» в 1860 году, а через год и восемь месяцев Федор Михайлович получил известие о его невиновности. В майской книжке «Времени» за 1862 год он сообщил читателям, что, по полученным им бесспорным сведениям, «отцеубийца» «десять лет страдал в каторжной работе напрасно, что невиновность его обнаружена по суду, официально».

Почему Вадим Алексеевич заинтересовался этой историей? Во-первых, он сам — из рода Ильинских! Помните, он рассказывал, что до четырнадцати лет считался незаконнорожденным и носил фамилию матери — Ильинский. А во-вторых, — из-за осуждения невиновного. Уж кому-кому, а Козину эта тема близка и понятна, как никому другому.

Здесь же, в примечаниях, Вадим Алексеевич внимательно вчитывался в письма и заметки великого писателя, тщательно изучал его творческий метод. Вот несколько цитат, подчеркнутых им:

К тому же намечу еще сильнее характер Мити Карамазова: он очищается сердцем и совестью перед угрозой несчастья и ножного обвинения. Принимает душой наказание не за то, что он сделал, а за то, что он был так безобразен, что мог и хотел сделать преступление, в котором ложно будет обвинен судебной ошибкой.

Само собою, что многое из поучений моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способ их выражения) принадлежит лицу его, то есть художественному изображению его. Я же хоть и вполне тех же мыслей, какие и он выражает, но если б лично от себя выражал их, то выразил бы их в другой форме и другим языком...

Остаются речи прокурора и защитника, — и тут надобно дело сделать по возможности лучше, тем более, что и адвокат и прокурор представляют у меня отчасти типы нашего современного суда (хоть и ни с кого лично не списанные) с их нравственностью, либерализмом и воззрением на свою задачу...

Треснули основы общества под революцией реформ, замутилось море. Исчезли и стерлись грани добра и зла... теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых по тому же нет), в разложении семейного начала. Если есть убеждения страстные — то только разрушительные (социализм). Нравственных идей не имеется, вдруг ни одной не осталось, и главное с таким видом говорит он, что как будто их никогда и не было...

Господи, да когда же это написано? Оказывается, в 1875 году. Сегодня остается только читать и удивляться: что же это за страна такая Россия, в которой за сто лет ничего не изменилось, разве что пророки типа Ф. М. Достоевского исчезли, вымерли, как мамонты...

Перед тем как засесть за эту главу, я не раз задавал Вадиму Алексеевичу вопрос о его отношении к книге, о роли книги в его творчестве, в жизни. Маэстро, как правило, отшучивался, но как-то ответил серьезно:

— Книга — это лучшее изобретение человечества! Я люблю книгу, люблю сам процесс чтения, жаль только, что совсем глаза отказывают, вот уже с лупой читать приходится! Сколько себя помню — пою и читаю. Вот две мои страсти — пение и чтение. Вот и в детстве тоже: если не пою, то сижу где-нибудь в уголке с книжкой. И во всех поездках гастрольных меня книги сопровождали. Знаете, я даже здесь, в Магадане, в библиотеке работал. Тогда меня книги вообще спасли, период жизни был ужасный. Мечтал в свое время вернуться в Ленинград, с пением покончить, устроиться в какую-нибудь тихую районную библиотеку и так среди книг и закончить жизнь. Я даже и курсы библиотекарей закончил! Так что у меня в этой жизни две профессии — певец и читатель!

Вадим Алексеевич, подчеркивая фразы и делая заметки на полях, использовал чернила разных цветов — синий, красный и зеленый. Чтобы это значило, — выяснить не удалось. Рискну предположить, что эти цвета — феномен так называемого «цветового слуха», характерного для некоторых музыкантов, художников, поэтов. Об этом много интересного можно прочитать у Владимира Набокова. Что-то увиделось Вадиму Алексеевичу зеленым, что-то синим, а что-то красным. Причем совершенно не обязательно синее — это море, зеленое — трава, а красное — кровь! Просто с каждым цветом у него связаны свои, одному ему ведомые, ассоциации.

Итак, я перелистываю «Братьев Карамазовых» и на 63-й странице, в главе «Верующие бабы», нахожу подчеркнутую фразу:

Есть в народе горе молчаливое и многотерпеливое; оно уходит и себя и молчит.

Вот с каким настроением начинал читать В. А. Козин роман Ф. М. Достоевского!

Следующие восемьдесят страниц чисты, и вдруг — запестрели разные цвета. Митя рассказывает Алеше свою историю.

— Это ты оттого, что я покраснел, — вдруг заметил Алеша. — Я не от твоих речей покрасней и не за твои дела, а за то, что я то же самое, что и ты.

— Ты-то? Ну, хватил немного далеко.

— Нет, не далеко, — с жаром проговорил Алеша. (Видимо, эта мысль давно уже в нем была.) — Все одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой. Я так смотрю на это дело, но это все одно и то же совершенно однородное. Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот все равно непременно вступит и на верхнюю...

А вот уже встреча Алеши с другим братом, с Иваном:

Видишь ли, Алеша, ведь, может быть, и действительно так случится, что когда я сам доживу до того момента или воскресну, чтобы увидеть его, то и сам я, пожалуй, воскликну со всеми, смотря на мать, обнявшуюся с мучителем ее дитяти: «Прав ты, Господи!», но я не хочу тогда восклицать. Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только что замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «боженьке»! Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии... И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены... Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше я уж останусь при неотомщенном страдании моем и неуголенном негодовании моем, хотя бы я был и неправ.

Цитата знаменитая, но, как правило, в первой своей части — про слезинку замученного ребенка, а вот Вадим Алексеевич делает акцент на другой мысли: Иван Карамазов желает жить со страданиями неотомщенными, в неуголенном негодовании, хотя бы и был неправ.

Далее следует глава «Великий инквизитор». Иван Карамазов продолжает свою странную исповедь перед младшим братом, Вадим Козин прикидывает на себя мысли «инквизитора». Здесь фразы поначалу подчеркнуты синими чернилами, потом вдруг возникает и нарастает

крещендо — красный цвет.

Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться... Ибо забота этих жалких созданий не только в том состоит, чтобы сыскать то, пред чем им или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтоб непременно все вместе... Из-за всеобщего преклонения они истребили друг друга мечом. Они созидали богов и зывали друг к другу: «Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим».

До сих пор подчеркнуто синим, далее — красным:

И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: все равно падут пред идолами...

...Дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба...

... Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить...

Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее.

...Но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его унетут таким страшным бременем, как свобода выбора? Они воскликнут наконец, что правда не в тебе... Таким образом, сам ты и положил основание к разрушению своего же царства и не вини никого в этом более...

Даже трудно себе представить, что эти строки не сегодня подчеркнуты, а в «оттепель» шестидесятых. Дальше — три подчеркнутых слова: «Чудо, тайна и авторитет». Человек должен верить хоть в одну из составных этой триады.

Чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и Бога; ибо человек ищет не столько Бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, он насоздаст себе новых чудес, уже собственных, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы он сто раз был бунтовщиком, еретиком и безбожником... Итак, беспокойство, смятение и несчастье — вот теперешний удел людей...

Вот вам и Шамбала, и Мандрагора, и Кашпировский с Чумаком, и колдуны с астрологами. С явным удовольствием подчеркивает Вадим Алексеевич и следующие апокалиптические описания «светлого будущего», ведь тогда мы его еще строили:

Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят перед такими чудесами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят самих себя, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих...» Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться... докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого... Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо... Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы их устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить... (Тут маэстро так нажал ручкой, что чуть не порвал страницу, и черта получилась толстая, как напившаяся крови пиявка.) Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей по их послушанию — и они будут нам покоряться с веселием и радостью...

Что и говорить! По-моему, и Е. Замятин, и Д. Оруэлл, и В. Войнович со своими антиутопиями меркнут рядом с этими отчеркнутыми рукой старого артиста цитатами из романа Достоевского. Злорадствовал ли маэстро, когда читал «Братьев Карамазовых», или горевал и недоумевал? Почему все-таки именно красным цветом подчеркнуты эти зловещие пророчества великого писателя? Кто, кроме самого Козина, ответит на эти вопросы? Но для этого надо перечитать творение Достоевского, многое вспомнить, всколыхнуть целые пласты жизни... А он сегодня этого делать уже не желает...

Расставаясь с «Великим инквизителем», Вадим Алексеевич, опять же красными чернилами, подчеркнул:

Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгребать горячие угли к костру твоему...

Да, несомненно, он проецировал мысль, здесь заложенную, на собственную судьбу. Наверняка нашлись желающие подгрести угли в его собственный костер. Не раз с горечью говорил он о них, но не назвал ни одного имени, даже намеком не обмолвился...

Действие романа развивается, и вот мы попадаем в старческий скит, где на смертном одре дает последние наставления старец Зосима. Здесь целая радуга цветов — и синий, и красный, и зеленый. Вот что подчеркнуто синим:

Не то у высших. Те вслед науке хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили, что нет преступления, нет уже греха. Да оно и правильно по-ихнему: ибо если нет у тебя Бога, то какое же тогда преступление?

И дальше, когда старец заговорил о народе русском, опять же синим цветом подчеркнуто:

Не раболелен он, и это после рабства двух веков. Свободен видом и обращением, но безо всякой обиды. И не мстителен, и не завистлив.

И снова — красный цвет.

... И верите ли: чем беднее и ниже человек наш русский, тем и более в нем сей благолепной правды заметно, ибо богатые из них, кулаки и мироеды, во множестве уже развращены, и много, много тут от нерадения и несмотрения нашего вышло!.. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему, с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его... Пишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас...

Рискну предположить, что красный цвет не означает полного согласия читателя с писателем, и в подтверждение своего предположения приведу следующую фразу, даже не подчеркнутую, а обведенную красным, как бы вырванную из контекста:

И неужели сие мечта, чтобы под конец человек находил свои радости лишь в подвигах просвещения и милосердия, а не в радостях жестоких, как ныне — в объядении, блуде, чванстве, хвастовстве и завистливом превышении одного над другим?

Каков поворот темы?! И снова — гениальное прозрение писателя, подчеркнутое недропнувшей рукой:

...Когда же вы-то воздвигнете здание свое и устроитесь справедливо лишь умом своим, без Христа? Если же и утверждают сами, что они-то, напротив, и идут к единению, то воистину веруют в сие лишь самые из них простодушные, так что удивиться даже можно сему простодушию. Воистину у них мечтательной фантазии более, чем у нас. Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом.

Что уж говорить, не любил старец Зосима нигилистов, не жаловал их и сам Федор Михайлович. И рисковал, ох, рисковал Вадим Алексеевич Козин даже и в шестидесятые, «оттепельные», годы, оставляя такие пометки на прочитанной книге. Ведь в любую минуту мог раздаться стук в дверь, и —поди докажи, что ты не верблюд...

...Вадим Алексеевич читает поучения мудрого монаха, подчеркивает нужные ему места. Странички синеют, зеленеют, как-то даже теплеют, что ли. Да оно и неудивительно, ведь подчеркнуто следующее:

Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь... Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не вознось над животными: они безгрешны... Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. Горе оскорбившему младенца... Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего...

И вдруг, среди этой идиллии, снова — тревожный красный цвет.

Ибо в каждый час и в каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Господом — и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет.

Мemento мори, разумеется, но как не хочется уходить вот так «отъединенно, никому не ведомо»! И Вадим Алексеевич, как в омут, бросается со своими разноцветными подчеркиваниями в самую гущу жизни, в «карамазовщину». Здесь фразы выделены исключительно синим цветом. Симпатии к Мите? Но я почему-то углядел в этом иронию:

Гнусный омут, в котором он завяз сам своею волей, слишком тяготит его, и он, как и очень многие в таких случаях, всего более верит в перемену места: только бы не эти люди, только бы не эти обстоятельства, только бы улететь из этого проклятого места — и все возродится, пойдет по-новому!

Пред одной подлец и пред другой тотчас же выйду
опять подлец...

И как вывод:

Во всяком случае тут было много и простодушия со стороны Мити, ибо при всех пороках своих это был очень простодушный человек.

Видно было, что человек дошел до черты, погиб и ищет последнего выхода, а не удастся, то хоть сейчас и в воду.

Странное дело, пока шел сюда, все казалось хорошо, а теперь вот и ахинея!

Жалко Митю! Тем более, что к нему вон как относятся:

Когда Митя вышел, Кузьма Кузьмич, бледный от злобы, обратился к сыну и велел распорядиться, чтобы впредь этого оборванца и духу не было и на двор не впускать, а не то...

Эта дама возненавидела его с самого начала просто за то, что он жених Катерины Ивановны, тогда как ей почему-то вдруг захотелось, чтобы Катерина Ивановна его бросила и вышла замуж за милого, рыцарски образованного Ивана Федоровича, у которого такие прекрасные манеры.

Глупо? Глупо! А Митенька катится, катится вниз, увязает, увязает — увяз! Заподозрен в отцеубийстве, грядет суд. Но до суда над Митей будет еще встреча Ивана Карамазова с чертом. Вот уж где погулял красный карандаш!

О, я люблю мечты пылких, молодых, трепещущих жадной жизни друзей моих!., они полагают разрушить все и начать с антропофагии... По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге... Раз человечество отречется поголовно от Бога... то само собою падет все прежнее мировоззрение, вся прежняя нравственность и наступит все новое... Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости, и явится человекобог... Мало того: если даже период этот никогда и не наступит, то так как Бога и бессмертия все-таки нет, то новому человеку позволительно, даже хотя бы одному в целом мире и, уж конечно, в новом чине, с легким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственность прежнего раба человека, если оно понадобится. Для Бога не существует закона! Где станет Бог — там уже место Божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место...

Здесь и без комментариев все ясно. Ясно, кстати, и то, почему «отец народов» запретил Достоевского, а Никита Сергеевич Хрущев — разрешил. Разрешил, правда, только издать собрание сочинений, но в школе «проходить» не дозволил. В когорту классиков Федор Михайлович тогда еще не был допущен, он как-то потихоньку, без повеления свыше, сам занял в ней свое место.

Роман завершается судом над Митей, и здесь козинский красный цвет приобретает особую густоту. Как же, тема суда и правосудия, тема судебной ошибки, облыжного обвинения, наверно, близка и понятна бывшему зеку. Вот, кстати, и первая подчеркнутая фраза: «...Прения будут лишь только для формы, и что преступник виновен, виновен явно, виновен окончательно». Или еще: «Прокурор вздрогнул, как боевой конь, заслышавший трубный сигнал». И еще, с особым нажимом: «...Я ушел с убеждением, что существо это решительно злобное, непомерно честолюбивое, мстительное и знойно завистливое». Кого имел в виду Вадим Алексеевич, выяснить вряд ли уже удастся. «Считая себя сам (а на это есть факты) незаконным сыном Федора Павловича, он мог ненавидеть свое положение сравнительно с законными детьми своего господина»... Тоже подчеркнуто. Может, маэстро вспомнил здесь свое детство, когда до четырнадцати лет был Ильинским, считался незаконнорожденным? Или «нарциссическая травма», о которой я упоминал ранее, начала развиваться у него еще в подростковом возрасте, особо ранимом? Кто знает... Еще одна загадка: «...Что такое отец, настоящий отец, что это за слово та кое великое, какая страшно великая идея в наименовании этом?.. — в настоящем деле отец, покойный Федор Павлович Карамазов, нисколько не подходил под то понятие об отце, которое сейчас сказалось нашему сердцу. Это беда. Да, действительно, иной отец похож на беду»...

Не имею права ничего утверждать, но чувствую, что примерял на себя и эти мысли Достоевского, внимательно вчитываясь в роман, Вадим Алексеевич Козин...

А тем временем адвокат Фетюкович заканчивает свою защитительную речь, и внимательный читатель делает последние пометки. Вот они:

Есть души, которые в ограниченности своей обвиняют весь свет. Но подавите эту душу милосердием, окажите ей любовь, и она проклянет свое депо, ибо в ней столько добрых зачатков.

Люди лучше, чем я, ибо захотели не погубить, а спасти меня!

Лучше отпустить десять виновных, чем наказать одного невинного — слышите ли, слышите ли вы этот величавый голос из прошлого столетия нашей славной истории?

Все! Мне кажется, читая «Братьев Карамазовых», Козин погружался в коллизии романа, или, как говорят артисты, загонял себя в «предлагаемые обстоятельства». И находил, я уверен, — находил аналогии со своей собственной жизнью, со своей нелепой судьбой. Но в то же время сопоставлял собственный духовный опыт с пророчествами великого писателя. И черпал из этого источника силы для творчества.

Еще в прошлом году я знал, как закончу свою повесть, потому что получил одно письмо, где дана удивительно точная оценка творчества Козина. Впрочем, здесь необходимо отступление. Минувшим летом в Москве у меня состоялось совершенно непредвиденное свидание с одной давней знакомой, выпускницей Щукинского театрального училища, в настоящее время живущей в Париже. В Москве, как и я, она была в отпуске. Естественно, случайно встретившись после стольких лет разлуки, мы сначала говорили довольно безалаберно, пока речь не зашла о Козине.

— Ты знаешь, — сказала моя знакомая, — я без слез не могу слушать его голос. Почему? Трудно объяснить... Возникает связь, что ли, с утерянным... Голос Козина мне о многом говорит, а не просто поет. Поэтому не смогла удержаться: купила в Париже его пластинку и вот слушаю — и плачу...

А теперь можно привести текст письма, которое пришло на областное радио после одной из передач о творчестве Вадима Алексеевича Козина. Оно подписано — «жительница Магадана».

Уважаемый редактор, тов. Мазуренко! Спасибо огромное за передачу Вам и Вадиму Алексеевичу! Звучат по радио песни Козина... Как же воспринимаются они сегодняшним слушателем? В передаче упоминается об огромной почте певца, о телефонных звонках почитателей таланта. Восхищаются, благодарят, просят чаще выступать, вспоминают... «Вспоминают»... Это глагол огромной бездонной, ностальгической глубины. Далеко не все отваживаются звонить пожилому кумиру, говорят между собой, делятся своими ощущениями, просто молчат, плачут. Так вот, об этих слезах. Человеку свойственно через все свои трудные, серые, затурканые годы тянуться душой к светлому, сладкому началу жизни — детству, юности. А для многих (ох, для многих!) эта светлая красота, эта поющая юность была связана с пластинками Козина. Заплачешь тут — ведь никогда уже не вернется не только юность, но и бездумная вера тех лет, тот вождельный, алкаемый всеми феномен красоты звучания песни, одним из живых воплощений которого призван был стать Вадим Козин. Да, он невольно стал символом отрыва людей от тех серых «стахановских» будней, воспарением над ними и, опять же, — ностальгией по какому-то далекому прекрасному, которому уже не было места среди бетонного грохота пятилеток...

И еще о слезах, несколько неожиданных, но понятных. Это уже слезы не ровесников наших родителей, а самих сорока- и сорокапятилетних. Они, как я знаю из разговоров, слушая радиоголос Козина, плачут по уютному своему детству, где живы молодые родители, где крутится заводной патефон, где все хорошо-хорошо-хорошо... Для них голос певца — хрупкий и мучительно-сладкий мостик через жизнь — туда, к началу, в рай защищенности и родительской опеки. И ходят наши ровесники по музыкальным магазинам, как за инъекцией прошлого: «Нет ли у вас Козина?»

И, наконец, процитирую еще одно письмо. У Вадима Алексеевича есть цикл песен на стихи Эдуарда Асадова. Накануне пятидесятилетия поэта Козин узнал, что тот сильно заболел. И вот маэстро, которому уже тогда было за восемьдесят, записал на кассету все свои «асадовские» песни и выслал ему. Через некоторое время пришло письмо, где есть такие строки:

Моя жизнь не была усеяна розами, в ней было много страданий, но, поверьте, я плакал редко. А вот Ваш голос, Ваше искусство, Ваш подарок выбил-таки из моих незрячих глаз, а может, и из самой души «скупую мужскую слезу»... Спасибо Вам, Вадим Алексеевич, за песни, за Ваше искусство, за то, что Вы есть! Дай Вам Бог здоровья. Ваш. Э. Асадов.

Плачет, услышав песни Козина, незрячий поэт с трагической судьбой, плачут русская парижанка и ее ровесница из Магадана... Нет, я не хочу утопить героя своего повествования в слезах, да и слезы слезам — рознь. Те, о которых идет речь здесь, теплые и светлые, они обновляют и очищают души людские, облегчают страдания.

Работа над рукописью закончена. Я выглядываю в окно и вижу знакомую картину: Вадим Алексеевич Козин кормит голубей. И я расстаюсь с героем повести, оставляя старого певца в его сегодняшней, привычной и устоявшейся обстановке: он кормит голубей, ухаживает за котом Мосиком, встречает гостей. И вспоминает, вспоминает, вспоминает, разматывая виток за витком серпантин своей судьбы...

Воспоминания в почётном карауле

Стою в почетном карауле и не могу поверить, что караул этот у гроба Вадима Алексеевича Козина. В двух шагах от меня его лицо, мраморно-неподвижное, застывшее навеки, никогда не разомкнутся отныне эти губы, не услышим мы въеве этот Богом данный голос — как можно в такое поверить? Как можно представить себе Магадан без Козина? Не знаю, не ведаю...

Звучит траурная мелодия, неиссякаем поток магаданцев, пришедших в театр отдать последний поклон великому певцу, проститься с последней легендой уходящей эпохи. Ибо Вадим Козин легендарен и эпохален, он часть эпохи и легенды, более того — сам эпоха и легенда, эпоха, которая уходит, легенда, которая остается...

Четверть века, двадцать пять лет я был знаком с певцом, был вхож в «келью Козина», работая радиожурналистом, собирал звуковой архив, в котором почетное место занимали воспоминания маэстро о его жизни, песни и романсы, напетые «живьем» на репортерский магнитофон, многие из них сегодня почти забыты, во всяком случае никем не исполняются. К 90-летию Вадима Алексеевича мною написана документальная повесть о жизни и творчестве патриарха русской эстрады, которая, впрочем, не заинтересовала местных издателей. Главы из повести опубликованы в «Вечернем Магадане», а журнальный вариант книги увидел свет и нашел своего читателя в Хабаровске, в журнале «Дальний Восток», №10 за 1993 г. Мне удалось прикоснуться к удивительной жизни, попытаться размотать серпантин этой судьбы, запутавшейся на «этапах большого пути», выслушать и зафиксировать уникальные воспоминания чуть ли не вековой давности...

— Вы знаете, — слышится голос Козина, — чем старше становлюсь, тем чаще во снах Императора вижу...

— Кого-кого???

— Императора Государства Российского Николая Александровича. Что ж вы удивляетесь, мне лет-то сколько? Нас отец водил гулять, мы же в Санкт-Петербурге жили, на Сенатскую площадь. И вот, как сейчас помню, Государь Император с Императрицей, с Наследником Алексеем Николаевичем. Наследник — совсем маленький мальчик, почти как я, в матросском костюмчике. Ах, как мне хотелось такой же костюмчик иметь! И я упрямил родителей, мне купили матроску! А Император гулял в военной форме, раскланивался с гуляющими, некоторым руку жал..

— Выходит, царь-батюшка демократом был?

— Попрошу не иронизировать! Не больно-то нынешние вожди так открыто гулять могут. Одно дело с трибуны выступить, и совсем другое — среди публики прогуляться, руки знакомым пожать, поговорить о том, о сем...

* * *

Доводилось Вадиму Алексеевичу общаться и с другими правителями земли русской. Пел перед самим «отцом народов» и даже сопровождал его, когда тот изволил частушки петь. Видел, как Н. С. Хрущев гопака плясал, а К. Е. Ворошилов ему на баяне подыгрывал. Выслушивал Вадим Алексеевич комплименты от У. Черчилля, летал в Тегеран на личном самолете английского премьера. Орден Красной Звезды вручил ему тогда еще генерал, впоследствии маршал Советского Союза Баграмян. А начиналась Великая Отечественная для Вадима Алексеевича, по его воспоминаниям, так:

— Вы помните, что такое «блицкриг»? Молниеносная война, Гитлер надеялся в несколько месяцев овладеть страной, а для этого в первую очередь он хотел взять Москву. Страшное время! Паника и народное волнение. Вот тогда мы с моим родственником поэтом Демьяном Бедным написали песню «Москва», где были такие строки: «Нет! Моя Москва не будет взята ими!» Эту песню напечатали на листовках в огромном тираже и разбрасывали над Москвой с самолетов. Тогда ее все москвичи пели! А я создал одну из первых фронтовых агитбригад, и с первых дней войны пел перед солдатами, матросами, перед ранеными, на передовой и в госпиталях, пел, пока не оказался на «курорте», в солнечном Магадане...

Отнюдь не гладко складывалась и магаданская часть жизни певца — были яркие взлеты и сокрушительные падения из выси поднебесной на нашу грешную, стылую землю. Но всегда — точнее, почти всегда — с певцом было его ТВОРЧЕСТВО. Именно в Магадане создан цикл песен, ставший знаменитым на всю страну, «Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ» на стихи северных поэтов, воспевший наш суровый край. С этим концертом Вадим Алексеевич объехал всю страну от Охотского до Черного моря. Один из авторов песенных текстов этого концерта поэт Петр Нефедов вспоминает:

— Концерт Вадима Алексеевича в Москве был закрытым и проходил в ныне снесенном здании театра «Современник», что стояло на площади Маяковского. Зал был переполнен, успех исключительный, море цветов, Вадима Алексеевича вынесли из зала на руках поклонники, среди которых были народные артисты СССР А. Райкин, И. Козловский, Л. Утесов... В тот же вечер Вадим Алексеевич позвонил мне по телефону: «Предлагают несколько концертов в Москве, только залы дают не престижные. Я же сказал — буду петь только в Колонном зале! И более нигде!» Через несколько дней я узнал, что Козин уехал из столицы в Магадан. Что произошло «там, наверху», почему не состоялось возвращение певца в столицу, об этом сегодня вряд ли мы точно узнаем...

Я же вспоминаю сотрудничество с великим певцом, — продолжает Петр Петрович, — как один из самых светлых периодов моей жизни. Послевоенный Магадан представлял собой весьма мрачное зрелище. И вдруг — театр, самый настоящий! Красивые, нарядные женщины, мужчины в штатских костюмах! На сцене, во

фраке, с бабочкой, конференсье объявляет:

«Вадим Козин!» Всего-то два слова, и — буря аплодисментов! Как слушали его люди в той ледяной полупустыне, что представлял собой тогда Магадан... И какие разные люди — от распоследнего зека до начальника Дальстроя...

Моя встреча с Петром Петровичем Нефедовым произошла летом 1990 года в Москве. Расставаясь, поэт передал мне подборку своих новых стихов с тем, чтобы я отдал их Вадиму Алексеевичу, что я и сделал сразу же по приезде в Магадан. А полгода спустя к очередному, восемьдесят восьмому дню рождения маэстро я подготовил своеобразный подарок — радиопередачу «В часы раздумий», которая была построена в форме диалога старых друзей-соавторов певца Вадима Козина и поэта Петра Нефедова. Передача прозвучала, и я даже себе представить не мог, какой праздник я устроил Вадиму Алексеевичу. Маэстро вдруг совершенно неожиданно перешел на «ты», что крайне редко происходило даже с ближайшими друзьями:

— Ты знаешь, Лешенька, мне телефон буквально оборвали! Помнят, оказывается, Козина, а?! И звонят, и звонят! Даже — работать мешают! Ведь я работаю, песню пишу. На те стихи Петра Петровича, что ты привез. Вот, послушай!

Элегантнейший разворот на табуреточке к пианино, и — на моих глазах происходит чудо: рождение, быть может, последней песни Вадима Козина. Я успеваю включить магнитофон.

— Новая песня на стихи моего друга, поэта Петра Нефедова. Стихотворение называется «Памяти погибших в Афганистане», а песню я назвал «Молодая вдовушка»:

Белая головушка,
Синие глаза,
Молодая вдовушка,
Горькая слеза.

Пылью запорошенный,
Там, в гористой мгле,
Он упал, подкошенный
На чужой земле.

Кровь его славянская
Честно пролилась,
И над ним афганская

Звездочка зажглась
Неродной соловушка
Песнь ему споеет...
Бедная головушка,
Горюшко мое...

Где еще, кроме моего архива с несовершенной репортерской записью, есть эта последняя песня корифея?

А в тот же день 21 марта 1991 года сессия Магаданского горсовета не утвердила присвоение артисту звания «Почетный гражданин города Магадана». По этому ну о-о-очень «важному и сложному» вопросу было проведено поименное голосование, его результаты опубликованы в нашей газете под общим заголовком «ВСЕМ НАМ ПОЗОР, ДА И ТОЛЬКО». Что тут добавить? Разве тот факт, что некоторые бывшие депутаты, проголосовавшие «против», стоят сегодня в почетном карауле у гроба певца. Более того, я думаю, что те, кто не давал певцу петь при жизни, приложат все силы, чтобы свести к нулю и творческое наследие Вадима Алексеевича, чтобы развенчать легенду о великом певце, волею судеб оказавшем большую честь нашему городу, полвека прожившем и проработавшем в нем, воспевшем его в своем бессмертном искусстве.

* * *

В столице нашей родины есть площадь звезд, там увековечено имя Вадима Козина, звезды русской эстрады первой величины. А в его втором родном городе, как называл певец Магадан? На этот вопрос отвечает председатель областного отделения Всероссийского общества охраны памятников культуры Татьяна Юсуфова:

— Президиум нашей организации считает необходимым сохранить этот пласт исполнительской культуры, имеющий огромную художественную значимость, который будет служить высочайшим образцом для исполнителей последующих поколений и слушателей. Мы приступили к осуществлению программы по сохранению творческого наследия Вадима Алексеевича Козина. Программой предусмотрено создание декоративного сквера, в котором будет установлена скульптура певца, открытие мемориальной доски на здании по адресу: Школьный переулок, дом № 1, где жил маэстро последние годы, и где находится в настоящее время салон-музей певца.

Продолжение и завершение выпуска серии музыкальных дисков вокального наследия Козина. Издание архивных документов, писем поклонников, рецензий, личных воспоминаний корифея русской эстрады. Наша программа нашла понимание у представителей многих структур областного центра, в частности, АО «Магаданморепродукт», Экопродукт, АО «Северная рыболовецкая компания», городской администрации. Надеемся получить поддержку и в центральных районах России, где помнят и любят творчество нашего

великого земляка.

Что ж, остается надеяться, что слова Татьяны Николаевны Юсуфовой не прозвучат всуе, а воплотятся в конкретные дела. А первым, кстати, конкретным делом стали похороны Вадима Алексеевича Козина, которые проведены всеми ответственными лицами и организациями на самом достойном уровне. Можем, оказывается, если сильно захотим...

— Нам, магаданцам, еще предстоит оценить значение Вадима Алексеевича Козина в истории нашего города, — сказала, выступая на гражданской панихиде, директор библиотеки имени Пушкина Н. Л. Кошелева.

Дай-то, Господи, чтобы мы действительно оценили это значение, не похоронили вместе с Певцом и память о нем, о его искусстве, о песнях Вадима Алексеевича Козина.